

Самая мрачная тайна Руквудской школы!

СКАРЛЕТ и АЙВИ

ПОСЛЕДНЯЯ ТАЙНА

СОФИ КЛЕВЕРЛИ

Софи Клеверли

Последняя тайна

Серия «Скарлет и Айви. Тайны и загадки Руквудской школы», книга 6

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67494971

Последняя тайна: Эксмо; М.; 2022
ISBN 978-5-04-167937-8

Аннотация

Великолепный английский детектив в антураже загадочной и зловещей школы-интерната. История сестёр-близняшек, которым предстоит разобраться в тайнах и загадках своего учебного заведения.

«Отец подарил нам на Рождество мамину музыкальную шкатулку! Мы счастливы и первым делом решили получить её рассмотреть... И нашли в ней потайное отделение, а в нём зашифрованные мамыны письма! Теперь мне и Скарлет не терпится вернуться в Руквудскую школу, ведь там мы встретимся с подружкой Ариадной, которая умеет разбираться с такими шифрами. И тогда мы узнаем наконец о последней тайне нашей мамы.

Но в Руквуде нас ждут ужасные новости. Объявился сын мистера Бартоломео, старого жестокого директора! И заявляет,

что он, как законный наследник своего отца, имеет право закрыть Руквудскую школу. Мы в ужасе, ведь эта школа успела стать нашим домом, местом, где нас любят и ждут. Да и этот Генри Бартоломью ведёт себя крайне подозрительно! Теперь перед нами стоит сложнейшая задача: доказать, что он не может хозяйничать в Руквуде! И в этом нам неожиданно-негаданно пригодятся записки из маминого тайника...»

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	18
Глава третья	27
Глава четвёртая	37
Глава пятая	48
Глава шестая	56
Глава седьмая	67
Глава восьмая	79
Глава девятая	91
Конец ознакомительного фрагмента.	100

Клеверли Софи

Последняя тайна

*Всем читателям историй о Скарлет и Айви –
последняя тайна*

Sophie Cleverly

SCARLET AND IVY 6: THE LAST SECRET

Originally published in English by HarperCollins Children's
Books under the title: THE LAST SECRET

Text copyright © Sophie Cleverly 2018

Translation © Eksmo 2018

Translated under licence from HarperCollinsPublishers Ltd.

Originally published in English by HarperCollins Children's
Books.

The author/illustrator asserts the moral right to be identified
as the author/illustrator of this work.

© Мольков К. И., перевод на русский язык, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Изда-
тельство «ЭКСМО», 2022

Глава первая

Айви

Последняя тайна ждала нас на дне одного из ящиков отцовского стола.

А первым сюрпризом стало то, что отец пригласил нас к себе на каникулы. Когда мы в последний раз были дома, наша мачеха совершенно недвусмысленно заявила, что не желает вновь видеть нас под своей крышей. Однако настал холодный декабрь, и отец позвонил новой директрисе Руквудской школы и сказал, что сам заберёт нас на каникулы вместо своей сестры – то есть нашей тётушки Фебы.

Мы с сестрой-близнецом Скарлет выбрались из отцовского автомобиля и устали на наш дом, выдыхая, словно два дракона, клубы пара в морозном воздухе. Я старалась запомнить этот вид до последних мелочей на тот случай, если нам запретят возвращаться сюда.

Наш дом, казалось, появился будто из волшебной сказки – большой, сложенный из светлого камня, с идеально ровной соломенной крышей. Если коттедж тётушки Фебы всегда выглядел слегка неряшливо с пятнами грязи на полу и висящими на крючках пыльными плащами, то отцовский дом, казалось, был построен исключительно для того, чтобы им любовались. Правда, глядя на него, я не чувствовала ничего, кроме холода, как снаружи, так и внутри себя. За железными воротами открывалась аккуратно подстриженная лужайка, на которой мы со Скарлет сидели когда-то на чемоданах – сестра ждала отправки в Руквудскую школу, а я – к тётушке Фебе. Как же давно это было! Такое ощущение, что в прошлой

жизни. По каменным стенам дома вились розы. Подёрнутые инеем, они могли, наверное, выглядеть просто сказочно, если бы их лепестки не начали темнеть и вянуть от холода, и не казались бы такими большими и острыми торчащие на их стеблях шипы.

Просто удивительно, как быстро сменяют друг друга времена года! Казалось, только вчера мы натерпелись страха во время Хэллоуина, только вчера шуршали осенними листьями, отправляясь жечь костры в Ночь Гая Фокса, когда отмечают не удавшуюся этому преступнику попытку взорвать здание парламента. И вот, пожалуйста, ещё всего два дня, и уже Рождество настанет, и нам предстоит встретить его в доме, который мы со Скарлет никогда уже не надеялись увидеть вновь.

Отец обогнал нас, прошёл с нашим багажом к входной двери, мурлыча что-то себе под нос. Мы с сестрой двинулись следом, нервно оглядываясь по сторонам и не зная, что нас ожидает внутри.

Ясное дело, мачехе неприятно, что отец вопреки её желаниям пригласил нас домой, но дальше-то что?

Однако когда открылась дверь и мы вошли внутрь, там было холодно и тихо. И никого, кроме нас троих.

– А где Эдит? – спросила Скарлет.

Отец выронил на пол наши сумки и, тяжело дыша, прислонился спиной к двери.

– Уф... – ответил он. – Хм... Не знаю. По магазинам по-

шла, наверное.

Ну, это уж ерунда какая-то. Дело в том, что здесь на километры вокруг не было ни одного магазина, а на единственной в семье машине мы только что приехали. Так в какие же, простите, магазины наша мачеха могла уйти? Или отец высадил её где-нибудь и забыл? Нет, это тоже вряд ли.

Я заглянула в гостиную и на кухню, но там везде было пусто и холодно, только остывший пепел в каминах. В углу гостиной стояла рождественская ёлка, с несколькими криво подвешенными на её ветвях цветными шарами, а под ней на полу стояло несколько завёрнутых в бумагу коробок. С каминной полки свисали чулки для рождественских подарков, и одного беглого взгляда мне хватило, чтобы понять, что висят только *три* чулка, и на них вышиты имена наших со Скарлет сводных братьев – «Гарри», «Джозеф» и «Джон». Судя по всему, для нас с сестрой у Санта-Клауса в этом году подарков не хватило.

– А мальчики? – уточнила я, невольно опасаясь, что сейчас они влетят сюда и начнут, как всегда, орать и швыряться чем попало. – Они-то где?

Отец прикрыл глаза ладонью. «А ведь он себя не очень хорошо чувствует, – подумала я. – И кожа у него какая-то бледная».

– Мальчики?.. Во дворе, я думаю, где-нибудь играют. Да, во дворе, – кивнул отец и вышел, оставив нас со Скарлет одних посреди комнаты.

Странно всё это было, очень странно. Остаток дня мы с сестрой просидели в своей бывшей спальне, натянув на себя всё, что смогли, чтобы согреться.

Скарлет даже «звездой» немного попрыгала – ноги врозь, руками «хлоп!» над головой, и так несколько раз подряд – а потом сказала, согревая свои пальцы дыханием:

– Как ты думаешь, нам с тобой хоть что-нибудь на Рождество в этом году подарят?

– В лучшем случае – снова носки, – мрачно предположила я.

– Ну что же, – рассудительно заметила Скарлет, взглянув на ноги. – Сейчас я и лишней паре носков была бы рада.

Когда за окнами начали сгущаться сумерки, мы услышали внизу шум, голоса и шаги – это пришла, наконец, наша мачеха с мальчишками. Я подняла голову, оторвавшись от книги, которую читала, и увидела выражение лица Скарлет. Моя сестра ожидала встречи с мачехой с таким же ужасом, что и я сама.

Какое-то время нас никто не беспокоил, а затем снизу донёсся звонкий голос Гарри:

– Эй, близнецы! Ужинать!

Скарлет стремительно подбежала к двери, открыла её и сердито крикнула в ответ.

– У нас, между прочим, имена есть!

Я неохотно отложила книгу и спустилась вслед за Скарлет по лестнице, приготовившись к тому, что вместо при-

ветствия мачеха может просто-напросто вышвырнуть нас с сестрой из дома.

Но, к моему великому удивлению, Эдит лишь нахмурилась, увидев нас, и промолчала. Просто протянула две тарелки с довольно-таки приличной порцией пирога и картофельного пюре и сказала, махнув рукой в сторону стола:

– Идите садитесь.

Я облегчённо выдохнула. Возможно, всё не так уж плохо, как могло бы быть. На кухне разожгли камин, и от него волнами шло тепло.

Ели мы молча, боясь словом нарушить хрупкое заклинание, не дающее мачехе немедленно вышвырнуть нас с сестрой вон. Не молчали за столом только наши сводные братья, уж они-то болтать не переставали, причём делали это с набитыми ртами, наполняя воздух не только шумом, но и летевшими во все стороны крошками. Позже всех на кухню пришёл наш отец, и Эдит проворно вскочила, чтобы подать ему тарелку.

– Присаживайся, дорогой, – сказала она тем ласковым тоном, каким обращалась только к нему одному. – Вот твоё место. И спасибо, что подвёз и посадил нас сегодня.

– Что? – рассеянно переспросил он. – А, да. Спасибо.

Он сел за стол и уткнулся в свою тарелку.

Я начала подумывать, не становится ли отец постепенно таким же странным, как наша тётушка Феба. А то и ещё хуже. Вот, забыл, что подвозил сегодня куда-то Эдит с её маль-

чишками. Впрочем, наша мачеха вполне и солгать могла по каким-то одной ей известным причинам. А затем я выбросила из головы все эти мысли как совершенно мне ненужные, и вплотную занялась едой – очень даже приличной, между прочим.

Едва мы закончили ужин, как мальчишки сорвались с места и умчались в гостиную. Оттуда вскоре раздался перезвон ёлочных шаров и хруст бумаги, в которую были завернуты подарки.

Отец доел свою порцию и обратился к нам:

– Девочки... – Я моментально выпрямилась на стуле, показывая, что внимательно слушаю его. – Я нашёл кое-что и хочу показать это вам, – он положил на тарелку нож и вилку и поднялся на ноги. – Пойдёмте.

Мы пошли за ним, и, уходя, я успела поймать выражение лица Эдит. Она сердито хмурилась, глядя на оставленные нами на столе грязные тарелки. Понятное дело, она нас со Скарлет собиралась заставить мыть посуду. Но не вышло у неё на этот раз. Не вышло.

– Как думаешь, что всё это может означать? – шёпотом спросила меня Скарлет, когда мы шли к отцовскому кабинету.

– Понятия не имею, – ответила я.

Камин в кабинете отца тоже горел, и за дверью нас сразу окатило волной тепла. Мы вошли и остановились, не зная, что нам делать дальше.

– Ах да, – спохватился отец. – Я же собирался кое-что вам показать, верно?

Скарлет посмотрела на меня, я смущённо пожала в ответ плечами.

Отец подошёл к столу и проговорил, опустившись в своё кресло:

– В последнее время я много думаю о вашей матери.

Я открыла рот. Наверное, меня ничуть не сильнее удивило бы, скажи отец вместо этого «Я собираюсь лететь на Луну», например.

Наша мама умерла, когда мы с сестрой появились на свет, и отец никогда не говорил с нами о ней, особенно после того, как женился на Эдит. Мысли о нашей матери были для него настолько мучительны, что он зачастую и о нас думать избегал. И вот сегодня вдруг сам завёл разговор о ней.

– Что? – переспросила Скарлет.

Мне кажется, отец не заметил нашего удивления.

– У меня, знаете ли, остались некоторые её вещи, – сказал он, глядя при этом не на нас с сестрой, а в окно, на котором от жара горящего камина начал оттаивать узорчатый иней. – Я держал их под замком, но после того вашего представления в театре... После того, как я впервые увидел вашу тётушку и услышал всё, что она мне сказала...

Он закашлялся было, потом замолк. Я тем временем вспомнила тот спектакль и поняла, что отец имел сейчас в виду нашу тётю Сару, мамину сестру. Мы напали на её след,

когда обнаружили, что на самом деле нашу маму звали Айда Джейн Смит, а не Эммелина, как нам всегда говорили. Она просто взяла имя своей лучшей подруги, которая погибла по вине бывшего директора Руквудской школы, мистера Бартоломью. В качестве наказания он заставил Эммелину плавать в озере возле школы, и она утонула. А потом в театре после нашего спектакля тётя Сара впервые встретилась с нашим отцом и обо всём ему рассказала. Ну или почти обо всём.

– Ну, и? – спросила Скарлет, помахав перед лицом отца рукой.

Он моргнул, дёрнул головой, пришёл в себя и снова заговорил:

– Я убрал и запер эти вещи потому, что очень о многом должен был подумать. Мне вдруг стало казаться, что на самом деле я не знал её по-настоящему, вашу маму. Но затем я подумал... – Он вздохнул, взял со стола свою трубку и принялся вертеть её в руках. – Впрочем, нет, это не важно. Она была моей Эммелиной, и вашей тоже. Я решил, что слишком много значения придаю прошлому. А там столько всего пришлось пережить...

Теперь пришла моя очередь отводить взгляд, чтобы не смотреть ему в глаза. Было очень странно, что отец вот так говорит с нами. Впрочем, удивительно было уже то, что он вообще с нами разговаривает.

– На прошлой неделе я решил достать и посмотреть её вещи, – продолжил отец. – И подумал, что следует отдать их

моим девочкам, — он наклонился, открыл нижний ящик своего стола, вытащил завёрнутый в подарочную бумагу и перевязанный лентой пакет и передал его Скарлет. Почему именно ей? Да просто она стояла ближе к нему. — Счастливого Рождества и всё такое, — неловко пробормотал он.

Я кивнула и стала напряжённо наблюдать за Скарлет, которая немедленно начала сдирать обёрточную бумагу. Отец на нас даже не смотрел, просто стоял, вновь уставившись в окно.

Внутри оказалась коричневая картонная коробка, которую Скарлет открыла. А в коробке...

Прежде всего сверху в коробке лежали две фотографии. Скарлет вытащила их. С первой фотографии на нас взглянули лица наших отца и мамы. Они стояли на фоне задрапированной тканью стены. Наша мама была в белом кружевном платье с белой фатой. Отец стоял в тёмном костюме с цветком в петлице пиджака. Лица у них обоих были слегка напряжёнными, как у всех, кто позирует перед камерой, но наружу всё равно пробивалось, светилось счастье, которое они оба испытывали.

— Ваша свадебная фотография, — выдохнула я.

Почему отец никогда не показывал нам её раньше? Я жадно вглядывалась в снимок, стараясь уловить мельчайшие детали. Улыбнулась, заметив на маминой шее знакомое жемчужное ожерелье — его я получила от неё в наследство. В одной руке мама держала букет белых роз, другой держала под

локоть отца. Мелочи, которые ничего не значат для других? Пожалуй. Но для нас со Скарлет этим мелочам цены не было.

Скарлет тоже улыбалась. Она очень осторожно отложила фотографию в сторону, стараясь не повредить её.

На второй фотографии тоже были наши родители, но этот снимок был сделан позже. Мама с отцом стояли у озера, на заднем плане виднелись деревья. Место было мне незнакомо, и это в очередной раз напомнило мне, что к тому моменту, когда мы с сестрой появились на свет, за плечами родителей уже была целая жизнь. На этой фотографии мама была в тёмной шляпке и шёлковом – во всяком случае, на вид – платье, а отец обнимал её за плечи. Под платьем у мамы выпирал живот, и было ясно, что она беременна.

У меня к горлу подкатил комок.

Под фотографиями обнаружилась довольно большая резная деревянная шкатулка с блестящими стенками. Скарлет подняла её и повернула к свету. На полированных боках танцевали резные фигурки балерин. Сестра осторожно подняла крышку.

Зазвучала знакомая мелодия, и откуда-то из глубины шкатулки выскочила маленькая балерина в белой пачке. Она закружилась в бесконечном пируэте. Затанцевала в отблесках каминного огня. В какой-то момент музыка из шкатулки дала сбой, и балерина качнулась в сторону, но затем продолжила кружиться.

Мы со Скарлет заглянули внутрь. На дне шкатулки лежа-

ло несколько безделушек – колечки какие-то старые и засушенная белая роза, наверное, из того самого свадебного букета.

Скарлет поставила шкатулку на стол и восторженно воскликнула:

– Спасибо! Это самый лучший подарок за всю жизнь!

– Не стоит благодарности, – слабо улыбнулся отец, снова отвернувшись к окну, и момент близости ускользнул, растаял, словно иней на стекле.

Глава вторая

Скарлет

Следующие несколько дней я постоянно думала о подарке, который мы получили. На Рождество нам с сестрой ничего не перепало, но это почти не имело для меня значения. Дар нашего отца был гораздо дороже всего, что можно ку-

пить в магазине. Он дал нам кусочек мозаики, позволяющей понять, кем на самом деле была наша мама.

Занятая своими мыслями, я почти не обращала внимания на ненавидящие взгляды, которые бросала в нашу с сестрой сторону мачеха, когда мы сидели за рождественским обедом. Не стала поправлять отца, когда он дважды по ошибке назвал меня «Айви». Сдержалась и не ущипнула Джозефа и Джона, даже когда они пытались запихнуть морковку мне в волосы.

Шкатулку и фотографии я рассматривала при каждом удобном случае, как только он выпадал. Мне казалось, что в этих вещах каким-то образом присутствует наша мама, я чувствовала в них... её душу, что ли? Как это происходило? Не знаю, не могу объяснить. Мы с Айви вновь и вновь открывали музыкальную шкатулку, наблюдали, как кружится балерина. А затем завод пружины кончался, балерина останавливалась, и в воздухе медленно таяли последние звуки колокольчиков.

– А я знаю эту мелодию, – сказала Айви после того, как мы несколько раз прослушали её. – Она из балета «Лебединое озеро»!

Айви была права, я поняла это, как только она сказала. Я тоже не раз слышала эту мелодию, её иногда наигрывала на рояле мисс Финч, она учила нас балету.

Но чем больше мы слушали шкатулку, тем сильнее мне начинал казаться странным тот маленький сбой, когда музыка словно запинаясь, а балерина слегка заваливалась вбок.

Один раз я прослушала шкатулку, прижав ухо к стенке, и услышала в этом месте какой-то негромкий щелчок где-то внутри.

В тот рождественский вечер мы с сестрой сидели на полу в нашей старой пыльной спальне, и я вновь открыла шкатулку. Мне стало интересно, *всегда* раздаётся тот щелчок или только время от времени? Случайно это происходит или что-то не в порядке со спрятанным внутри шкатулки механизмом?

– Ты тоже слышишь его? – спросила я у Айви, которая следила за мной, сидя на своей кровати.

– Тот лёгкий щелчок? – уточнила она.

Я кивнула, опуская крышку шкатулки.

– Как ты думаешь, что это может быть?

– Что-нибудь в механизме испортилось? – предположила сестра, наморщив носик.

Может быть. Я осторожно перевернула шкатулку и услышала, как звякнули, перекатываясь внутри её, дешёвые машинки колечки. Никаких повреждений на дне шкатулки я не увидела, оно выглядело ровным и целым.

Айви соскользнула со своей кровати и села на пол рядом со мной.

– погоди, – сказала она, внимательно глядя на шкатулку. – Ну-ка, открой её ещё разок.

Я подняла крышку, заиграла музыка, и тут сестра указала мне пальцем внутрь шкатулки.

– Смотри. Внутри она не такая глубокая, как кажется сна-

ружи...

Присмотревшись внимательнее, я поняла, что сестра права. Между внутренним дном шкатулки, на котором лежали колечки и засушенная роза, и внешним её дном было пространство... Ну, что-нибудь около двух-трёх сантиметров.

– Я, конечно, не знаю, – продолжила Айви, – может, это пространство механизм занимает...

– Нет, – я уверенно покачала головой. – Я где-то уже видела такую же шкатулку в разобранном виде, весь механизм умещается в ней под балериной, – и я указала на крохотную деревянную сцену, к которой была прикреплена фигурка балерины. – А здесь, похоже, ещё какое-то пустое пространство есть, – я пошарила пальцами по стенкам шкатулки, ища в дереве какой-нибудь шов, но ничего не нашла. – Хм...

И тут меня – сама не знаю, откуда – вдруг осенило.

Когда балерина в очередной раз «споткнулась» и вновь послышался тот странный щелчок, я изо всех сил нажала на стенку шкатулки.

Нашему с сестрой изумлению не было предела, когда из дна шкатулки выдвинулся потайной ящичек.

– Ничего себе! – воскликнула Айви и пошатнулась от неожиданности, едва не завалившись на пол.

Мы с ней заглянули в тайник и увидели в нём тоненькую пачечку сложенных и слегка пожелтевших от времени бумажных листов.

– Пожалуйста, пусть это только будут не странички из

дневника, – простонала Айви. – Не хочу снова искать его по кусочкам.

Я возмущённо посмотрела на неё. Когда-то именно странички дневника, которые я оставляла в разных местах для Айви, помогли мне вырваться из сумасшедшего дома, куда меня запихнула наша бывшая директриса. Так что я, в отличие от сестры, к страничкам из дневника относилась с большим уважением.

Я вытащила бумажные листы и разложила их на полу. Их было несколько, этих листов, и все они были исписаны, но только не буквами, а цифрами.

– Ой, – сказала Айви, глядя на них. – Да это же...

– Код Шепчущих! – перебила я её.

Вообще, это долгая история, но в прошлом году мы обнаружили, что наша мама в своё время училась, как и мы, в Руквудской школе и была членом тайного общества, которое называлось *«Шепчущие в стенах»*. Это общество пыталось бороться против тогдашнего директора школы, страшного и жестокого мистера Бартоломью. Мы нашли блокнот с зашифрованными записями, в которых Шепчущие перечисляли свои обвинения в адрес директора, а наша лучшая подруга Ариадна помогла нам этот код расшифровать.

– Мы должны показать это Ариадне, – сказала Айви.

Я кивнула. Если это тот же самый код, Ариадна сможет прочесть, что здесь написано.

Но это было ещё не всё. Перебирая страницы, я увидела

на самой последней из них строчки, написанные обычными буквами и словами, а не цифрами. Самая верхняя строчка гласила:

Моему мужу.

Мы с Айви потрясённо переглянулись. Значит, это письмо от нашей мамы? Её последняя тайна?

И мы стали читать дальше.

Надеюсь, я сейчас с тобой, целая и невредимая, и смогу рассказать тебе всё это сама, вслух. Если же нет, то молюсь, чтобы это не было потому, что ОН нашёл меня. Я не должна была вновь оказаться вовлечённой в эту давнюю историю, сейчас я это очень хорошо понимаю. Если ты сможешь понять тайны, которые я зашифровала на этих страницах, то, возможно, сможешь сделать то, что не смогла я сама. Но умоляю тебя, будь предельно осторожен, потому что ступаешь на опасный путь.

Я хотела рассказать тебе правду, но так и не решилась, поэтому просто знай: мне стыдно за всё, что я столько времени скрывала. Но, поверь, я делала это из самых лучших побуждений. Я хотела разоблачить ЕГО, открыть всё, что ОН сделал, чтобы покончить с прошлым и изменить будущее в лучшую сторону. Возможно, теперь для этого уже слишком поздно.

Моё настоящее имя Айда Джейн Грей, и я люблю тебя.

У меня так сильно дрожали руки, что я едва не выронила бумажный листок. Наша мама, словно призрак, разговаривала с нами из прошлого.

– «Молюсь, чтобы это не было потому, что ОН нашёл меня», – шёпотом повторила Айви. – Кто это ОН? Мистер Бартоломью?

– Да, наверное, – ответила я, хотя и не очень уверенно.

По мне, трудно было вообще о чём-то говорить до тех пор, пока мы не прочитаем зашифрованный текст. Впрочем, насколько нам было известно, наша мама всю жизнь скрывалась от мистера Бартоломью.

– Но как ты думаешь, неужели... – ахнула Айви, прикрывая ладошкой рот. – Неужели ОН что-то сделал с нашей мамой?

Я немного подумала и ответила, решительно покачив головой:

– Нет. Наша мама умерла, когда рожала нас, верно? Какое в таком случае отношение к её смерти мог иметь директор школы? И что бы здесь ни было написано... – я повертела в руках зашифрованные записи, – этого никто не прочитал. Бумаги так и пролежали всё это время в шкатулке, и их никто не видел. Я уверена, что наш отец понятия не имеет, что они здесь хранились.

– Да, мы первые, кто увидел эти бумаги после того, как

их сюда спрятала мама, – сказала Айви, с трепетом глядя на пожелтевшие листы.

Я передала их сестре, и она принялась с нежностью водить пальцем по строчкам, написанным маминой рукой.

– Нам необходимо расшифровать записи! – решительно заявила я, вскакивая на ноги.

Поскорее бы увидеть Ариадну! Но ведь нам ещё целую неделю придётся торчать здесь. Мы пока не можем вернуться в школу. Да как же пережить-то её, эту неделю? Теперь она мне вечностью покажется!

– Наверное, здесь ещё больше сведений о Шепчущих и новые обвинения в адрес директора!

– Ну... – задумчиво протянула Айви. – Если так, то все эти записи не имеют теперь никакого значения. Мистера Бартоломью нам уже удалось упрятать в тюрьму. То, что из-за него с маминой подругой случилась беда, мы тоже успели выяснить. Ну что там ещё может быть *такого* в этих бумагах?

Я, обмякнув, опустилась на кровать. Надежда, что вскоре нам удастся узнать какую-то новую страшную тайну, угасала прямо у меня на глазах.

– М-да. Наверное, ты права, – уныло согласилась я.

Согласилась, но тем не менее страницы, которые я держала в руках, обжигали пальцы. Есть в них что-то важное или нет – это не главное. Главное, что эти строки написаны маминой рукой. Мы с сестрой никогда не знали её, но теперь

нам досталось то, что она оставила после себя, то, что принадлежит теперь только мне и Айви. То, чего уже никогда и никому у нас не отобрать.

Глава третья

Айви

Весёлыми эти каникулы я бы не назвала, но уже одно то, что они прошли без конфликтов, можно было считать рождественским чудом. Наша мачеха постоянно хмурилась при виде меня и Скарлет, свирепо косилась на нас, но молчала и в основном держалась на расстоянии.

Отец, в свою очередь, с каждым днём становился всё более странным. Большую часть времени он проводил в своём кабинете, но иногда покидал его, и тогда бесцельно слонялся по всему дому. Он ещё больше побледнел и почти ничего не ел. Впрочем, несмотря на всё это, отец, пожалуй, выглядел даже в какой-то степени счастливым – на свой, разумеется, манер. Мне казалось, что он всё ещё продолжает думать о маме.

Найденные в шкатулке бумаги мы с сестрой отцу не показали, Скарлет не была уверена, что ему можно доверить эту тайну. Кроме того, нам обоим одинаково не хотелось, чтобы эти бумаги попались на глаза Эдит. Во всяком случае, сначала мы хотели узнать сами, что написано на этих листах.

Наступил Новый год, и пришло, наконец, время возвращаться в Руквудскую школу. В этот день мы с сестрой с самого раннего утра сидели как на иголках. Странно, конечно, но нам *действительно* не терпелось вернуться в школу, с которой у нас было связано столько тяжёлых и страшных воспоминаний. Впрочем, все страхи остались в прошлом – во всяком случае, именно так нам хотелось думать, – а в школе нас ждали подруги, шум голосов, мелькание рук и ног. Одним словом, там нас ждала жизнь, в отличие от родного дома, ставшего холодным и мёртвым.

Утром в день отъезда на пороге нашей комнаты появилась мачеха, встала, сложив руки на груди, понаблюдала за тем, как мы со Скарлет укладываем свои вещи, и вскоре ушла, презрительно бросив на прощание:

– Больше сюда не возвращайтесь!

Скарлет показала ей в спину неприличный жест.

Пока отец вёз нас в школу, я смотрела в окно на петляющую перед носом машины дорогу и думала о спрятанной в моей сумке музыкальной шкатулке. Найденные бумаги мы вместе с фотографиями снова спрятали в ней. Когда мы собирались сделать это, я вдруг испугалась, что в механизме

что-то сломается и ящик навсегда останется запертым внутри шкатулки, поэтому для подстраховки мы несколько раз открывали и закрывали пустой ящик, чтобы проверить. Механизм работал безотказно.

В какой-то момент отец вдруг начал кашлять, да так сильно, так неудержимо, что ему даже пришлось на время остановить машину.

– Ты как? – спросила я его.

Он ещё несколько минут кашлял, сипел – лицо у него при этом сделалось не просто бледным, но зеленоватым каким-то – прежде чем смог прохрипеть в ответ:

– Нормально. Просто нездоровится слегка. Это от погоды, – и он легонько похлопал себя по щекам, словно возвращая их на место. – Ладно, нужно ехать дальше. У меня ещё много работы сегодня.

На территорию школы мы въехали через старинные ворота, с колонн которых на нас величаво и надменно смотрели каменные грачи, хозяева здешнего парка. Стояло январское утро, и всё вокруг было покрыто инеем, сверкавшим в ярких лучах солнца. Мы катили по подъездной дорожке, и стоявшие вдоль неё голые деревья тянули к нам свои чёрные холодные ветки.

У школьного подъезда нас встретила обычная для первого дня нового семестра толчея – машины, автобусы, вылезавшие из них школьники всех возрастов и их родители. Я глубоко вдохнула. *Приехали. С возвращением!*

Когда мы пробились, наконец, к главному входу, отец остановил машину и помог нам вытащить свои сумки. Чувствовалось, что он здесь не в своей тарелке.

— Ну вот, девочки, — проговорил отец. — Надеюсь, этот семестр будет для вас удачным.

— Спасибо, — ответила я и замолчала, не зная, что ещё добавить.

— Э... я тоже надеюсь, — сказала Скарлет.

Она, как и я, совершенно не привыкла разговаривать с отцом.

Войдя через двери главного входа в фойе, мы первым делом увидели нашу новую директрису, миссис Найт. Она с улыбкой встречала всех своих учениц и без конца повторяла:

— Девочки, ступайте сразу по своим комнатам, и не задерживайтесь, пожалуйста! Через час общее собрание!

Мы со своими сумками потащились в густой толпе вверх по лестнице, и хоть не очень быстро, но всё же добрались до своей, ставшей для нас почти родной, комнаты номер тринадцать.

— Давай по-быстрому бросим вещи и пойдём Ариадну искать, — предложила Скарлет.

— Хорошая мысль, — согласилась я.

Свою сумку я поставила в шкаф, а Скарлет свою бросила на кровать. Разумеется, была одна очень важная вещь, которую мне нужно было сделать в самую первую очередь. Я осторожно вытащила из своей сумки музыкальную шкатулку

и аккуратно поставила на стол. Где-то в глубине, за деревянными стенками тихо зазвенели потревоженные колокольчики. Мне хотелось надеяться, что внешне наша музыкальная шкатулка ничем не отличается от других и особого интереса ни у кого не вызовет. Ну шкатулка и шкатулка, что в ней такого?

– Интересно, кого на этот семестр к Ариадне поделят? – спросила Скарлет, пытаясь развесить в шкафу свои немногочисленные наряды.

Её платье никак не хотело слушаться и соскользнуло-таки с плечиков, но моя сестра не обратила на это внимания.

– Кого? – переспросила я, морща нос. – Понятия не имею.

В прошлом семестре в одной спальне с нашей лучшей подругой жила девочка по имени Мюриэл Уизерспун, но её выгнали из школы за целый ряд ужасных поступков. И сейчас Ариадна вновь осталась без соседки по комнате.

С каждой минутой мне всё больше не терпелось поскорее увидеть Ариадну, за две недели каникул я очень успела по ней соскучиться. Ариадна всегда умела подбодрить, развеселить, была для нас со Скарлет лучиком света среди постоянно висевших над Руквудом свинцовых мрачных туч.

Мы пошли к комнате Ариадны и с радостью заметили, что она уже открыта, а внутри увидели и саму нашу лучшую подругу, стоявшую возле кровати в окружении целого строя чемоданов.

– Ариадна! – окликнула её Скарлет и побежала обнимать-

ся.

Я рванула тоже и присоединилась к ним.

– Приветики, приветики! – весело прощепетала Ариадна, когда закончились обнимашки. – Ну как, хорошо Рождество провели?

Мы со Скарлет переглянулись, и я ответила за нас обеих.

– Э... Да, хорошо провели. Отлично просто.

Мои мысли немедленно вернулись к музыкальной шка- тулке, и я уже хотела заговорить о ней, но меня опередил раздавшийся от двери голос с певучим шотландским акцентом:

– Доброе утро.

Ох, как хорошо я помнила и этот голос, и этот акцент! Если Ариадна была лучиком света, то в этом голосе слышался шум ночного дождя и свист ветра над торфяными болотами.

– Ой, – пискнула Ариадна.

Мы с сестрой обернулись. В дверях стояла новая девочка, Эбони Макклауд. Она поступила в нашу школу только в прошлом семестре и сразу оказалась замешанной в тёмных делах, которые творила здесь Мюриэл. А если точнее, то Эбони выдавала себя за ведьму и успела напугать здесь всех до полусмерти. Правда, потом Эбони раскаялась и извинилась перед нами, поэтому я рассчитывала, что теперь она постарается загладить свою вину.

– Не волнуйтесь, – сказала Эбони, затаскивая в комнату свой чёрный чемодан. Втащила, а затем плюхнулась на свободную кровать и сказала, прочитав, наверное, написанное

на наших лицах выражение: – Не стану я превращать вас в лягушек, пока вы спите.

– Э... я, кажется, совсем забыла о правилах вежливости, – прокашлялась Ариадна. – Доброе утро, Эбони. Очень рада вновь тебя видеть.

И подтолкнула локтём нас с сестрой.

– Доброе утро, – с притворной бодростью поздоровалась я.

– Привет, – буркнула Скарлет.

– Миссис Найт сильно рассердилась, когда обнаружила, что я обманула всех, притворившись, что у меня есть соседка по комнате, а сама жила в ней одна, – слегка приподняла в улыбке уголки губ Эбони. – Сказала, что все мы должны жить парами, а я, значит, пошатнула устои, на которых держится наша школа, – она вздохнула и добавила: – Ну, а поскольку своей напарницы ты, Ариадна, лишилась, то к тебе меня и направили.

– Ух ты. Здо́рово, – безо всякого энтузиазма откликнулась Ариадна.

– Да всё в порядке, честно, всё в порядке, – успокоила её Эбони. – Я не буду больше выкидывать номера, как в прошлом семестре. Никаких фокусов, обещаю. Теперь я просто Эбони, и больше никто. С магией покончено. Я даже кота с собой в этот раз не привезла.

Услышав это, мы все невольно улыбнулись, сразу вспомнив чёрного кота по кличке Мрак, которого считали фами-

льяром, то есть злым духом, который прислуживает Эбони. Что ж, возможно, она на самом деле навсегда оставила свои ведьмовские замашки. Очень хотелось на это надеяться.

Закончив распаковывать вещи, мы отправились на школьное собрание и спустились по лестнице в актовЫй зал, уже забитый почти до отказа и гудевший на разные голоса от разговоров.

– Внимание, девочки, внимание! Все сядьте и успокойтесь! – начала наводить порядок поднявшаяся на сцену миссис Найт.

Разговоры сделались тише, а вскоре и смолкли окончательно.

– Добро пожаловать! Поздравляю всех с началом нового, весеннего семестра, – директриса прокашлялась, а затем продолжила: – Все мы знаем о некоторых... скажем так, *затруднениях*, которые были у нас с вами в прошлом, но я уверена в том, что мы приложим все усилия, чтобы сделать Руквудскую школу самой лучшей!

– Разве не то же самое она говорила в начале прошлого семестра? Слово в слово, – шепнула мне Скарлет, но я шикнула на неё.

– Если мы дружно возьмёмся за дело, – продолжала миссис Найт, – то сможем...

Привычный поток её слов прервал звук открывшейся в конце зала двери.

Мы все обернулись. В зал вошёл мужчина. Он был очень

молод, лет двадцати с чем-нибудь, наверное, хотя точный его возраст я определить не взялась бы. Волосы у него были тёмные, коротко подстриженные с боков и гладко зачёсанные назад на макушке. И глаза тёмные, и коротко подстриженная борода тоже. Одет мужчина был в хорошо сшитый и, чувствовалось, дорогой костюм. Он встал сзади, прислонившись спиной к стене, и принялся с интересом рассматривать зал.

— Мы сможем... — ещё раз попыталась взять разбег миссис Найт, но не смогла продолжить речь, мешал ей этот незнакомец. — Прошу прощения, сэр, — обратилась она к нему. — У нас здесь собрание. Не могли бы вы подождать за дверью?

Молодой человек повертел головой, словно проверяя, действительно ли к нему обращается наша директриса.

— О, ничего страшного, не обращайтесь на меня внимания, мадам, — сказал он. — Вы продолжайте, продолжайте, я просто наблюдаю, знаете ли.

В зале стало тихо-тихо, и в этой тишине мы все уставились на него. Нужно заметить, что мужчины вообще были редкими гостями в стенах нашей школы, а уж такие молодые и холёные и подавно. Впрочем, не только поэтому так привлекал моё внимание этот джентльмен. Было в нём что-то неумовимо знакомое, странное... и *неприятное*.

— Я... — растерянno сглотнула миссис Найт. — Послушайте, я на самом деле настоятельно прошу вас...

Мужчина вздохнул, отлепился от стены и зашагал вперёд, провожаемый удивлёнными взглядами сотен глаз.

– Ну если уж вы *настоятельно просите*, – неожиданно уверенным тоном сказал он, а затем легко, одним прыжком взлетел на сцену и повернулся, глядя на нас. – Меня зовут Генри Бартоломью, я сын Эдгара Бартоломью и новый владелец вашей школы.

Глава четвёртая

Скарлет

– *Что?* – дружно ахнули все, кто сидел в зале.

Я никак не могла поверить тому, что слышала. Ни единому слову, вылетевшему изо рта незнакомца, стоявшего на сцене. Это было *так* неожиданно! Он был сыном нашего бывшего ужасного директора? И теперь стал *владельцем* нашей школы? Каким образом?

– Хорошо, давайте обо всём поговорим с вами в другом месте, мистер Бартоломью, – натянуто сказала миссис Найт.

Он как ни в чём не бывало улыбнулся ей и ответил, засовывая руки в карманы брюк:

– Конечно. Именно на это я и рассчитываю. У меня много планов, которыми я хочу поделиться с вами. И ещё, назовите меня просто Барти, меня все так зовут.

Затем он с улыбкой победителя спустился со сцены и под нашими взглядами вернулся на прежнее место. Здесь он опять прислонился спиной к стене, да ещё и упёрся в неё подошвой ботинка, подогнув вверх свою ногу. Хозяйская это была поза, ничего не скажешь, но ведь если верить словам *Барти*... он и *был* здесь новым хозяином.

Миссис Найт беспомощно огляделась по сторонам и остановила взгляд на мисс Боулер, нашей преподавательнице физкультуры, отличавшейся громким, как паровозный гудок, голосом.

– Мисс Боулер, – облегчённо выдохнула наша директриса, словно утопающая, обнаружившая спасательный круг. – Мисс Боулер, могли бы вы сделать вместо меня сообщения

относительно нового семестра, пока я разберусь тут?..

Массивная мисс Боулер, которую хлебом не корми, лишь дай покомандовать, охотно забралась на сцену и взяла у миссис Найт листочки с её записями.

– Значит, так! – прогрохотала мисс Боулер, и её голос эхом отразился от стен зала. Миссис Найт тем временем отправилась в сторону Генри Бартоломью. – Слушаем все сюда! Хоккейный клуб начнёт работать со следующего четверга, сразу после обеда, а...

Я думаю, что впервые никто в зале не слушал, что говорит мисс Боулер (а *не* слышать её – задача не из простых, можете мне поверить), но все пытались прочитать по губам, о чём тихо разговаривает миссис Найт с молодым мужчиной в дальнем конце зала. Спустя несколько минут она повела его к выходу из зала, и все мы дружно повернули головы, провожая их взглядом.

– Повернитесь ко мне и не отвлекайтесь! – пробасила мисс Боулер, чтобы вновь привлечь наше внимание.

– Что происходит? – шепнула я Айви, пока мисс Боулер разводила пары и набирала обороты. – И откуда он взялся, этот... *Барти*?

Моя сестра молча пожала плечами. Вид у неё был очень озабоченный, и я отлично её понимала. Что бы ни произошло дальше, хорошего ждать не приходилось.

Когда мы покидали зал после собрания, все только и говорили о неожиданном появлении Генри Бартоломью, или *Барты* (гадость!), и о том, *что* всё это может означать.

– Поверить не могу, что здесь сын мистера Бартоломью, – сказала я. – И что он замышляет? Как вы думаете, он такой же ужасный, как и его папаша?

– Понятия не имею, о чём вы. Может, объясните? – спросила шагавшая рядом с нами Эбони.

Ну да, конечно, она ничего не знает. Придётся объяснить.

– Наш прежний директор, – начала я. – Это был страшный человек. Жестокий до ужаса. Однажды он зашёл так далеко, что из-за него погибла ученица. Он в виде наказания заставил её поздней осенью плавать в озере. Мы вынудили директора признаться в этом, после чего полиция его арестовала.

– Ой! – испуганно воскликнула Эбони.

И тут я вдруг неожиданно вспомнила ещё кое-что.

– Айви! Мы же совсем забыли, что должны показать Ариадне... – начала я, но не договорила, вспомнив о том, что рядом с нами шагает Эбони.

Можно ли доверять такие важные вещи вчерашней ведьме, пусть даже и раскаявшейся? Можно ли считать её *настоящим* членом нашей компании?

– Что показать? – спросила Ариадна.

Я взглянула на Айви, но она с головой погрузилась в изучение листка с расписанием, так что толку от неё сейчас не было никакого. «Ну ладно, – со вздохом подумала я. – Всё равно уже проговорилась».

– Мы нашли мамины бумаги, – неохотно пояснила я. – Но они зашифрованы.

– Кодом Шепчущих? – ахнула Ариадна.

– Нам кажется, что да, – неожиданно включилась в разговор Айви. – Во всяком случае, мы *надеемся*, что это так. В противном случае их сто лет расшифровывать придётся.

– Ничего себе! – восторженно воскликнула Ариадна. – Посмотрю их сразу после уроков. Интересно-то как!

Подойдя к дверям класса латинского языка, мы услышали доносившийся изнутри шум голосов, который с каждой секундой становился всё громче и громче. Войдя в класс, мы увидели, как наша преподавательница латыни, мисс Саймонс, безуспешно пытается навести порядок.

– Прошу вас! – уговаривала она раскричавшихся учениц. – Девочки! Сядьте на места и успокойтесь. Тишина! Тишина в классе!

Но её никто не слушал.

В воздухе наперебой звенели вопросы.

– А что случилось с мистером Бартоломью?

– И как получилось, что школой теперь владеет его сын?

– Интересно, что он собирается делать? Может быть, центральное отопление, наконец, наладит?

Я заметила, что даже молчаливая обычно Роза взволнованно шепчется о чём-то со своей возвратившейся в школу лучшей подругой (и моим бывшим самым злейшим врагом) Вайолет.

Я помахала им, но они были слишком заняты разговором, чтобы заметить это.

– Девочки, пожалуйста...

Мисс Саймонс беспомощно взглянула на нас.

Я грохнула кулаком по парте и во всю глотку гаркнула:

– А ну, заткнулись все! Сейчас же!

И мне, в отличие от мисс Саймонс, *удалось* привлечь к себе внимание. В классе стало тихо.

Но преподавательнице латыни мой подвиг понравился меньше, чем я ожидала.

– Скарлет, – вздохнула она. – Я, конечно, ценю твоё желание помочь, но ты, по-моему, слегка перегнула палку.

– Простите, мисс, – ответила я. – Может, я и перегнула палку, зато как подействовало!

Мы расселись по местам, и мисс Саймонс принялась писать на доске.

– Благодарю вас, девочки, – сказала она, не прекращая скрипеть мелом. – Я уверена, что в скором времени мы всё узнаем про этого юношу, Генри Бартоломыю. А пока давайте сосредоточимся на нашей латыни.

Последним уроком сегодня был балет. Мы побежали в на-

шу комнату переодеваться, и я, улучив секунду, сказала, поглаживая музыкальную шкатулку по её резному деревянному боку:

– Ничего, ничего, вскоре мы все твои секреты раскроем. Айви, услышав это, молча закатила глаза.

Балетный класс расположен в нашем холодном школьном подвале, а занимаются с нами два педагога, мисс Финч и мадам Зельда. На урок мы с Айви пришли сегодня самыми первыми, потому что очень быстро переоделись. Спустившись в балетный зал по ступенькам, мы остановились, увидев миссис Найт, которая разговаривала с нашими преподавателями.

– Он сказал, что его отец умер, и, как мне показалось, он не слишком огорчён этим, – говорила в это время директриса, приглаживая рукой седеющие волосы.

– Что? – переспросила я, шагая вперёд. – Мистер Бартоломью *умер*?

Все они повернулись в мою сторону.

– А, привет, Скарлет, – сказала миссис Найт. – Да, по-видимому, это так. Я сама видела свидетельство о смерти. Таким образом, Руквуд достался юному мистеру Генри по наследству.

Айви выглядела потрясённой до глубины души. Что и говорить, смерть мистера Бартоломью оказалась для всех нас большой неожиданностью. Да, наш бывший директор был человеком не только жестоким, но и очень старым и очень

больным. Но знаете, даже несмотря на старость и болезнь, как-то странно было думать, что он вот так вот вдруг может взять и умереть. Ну, а его сын? От него-то чего ждать нам всем?

— Э... да. Одним словом, он сказал, что у него есть свои *планы* относительно школы, — продолжила миссис Найт. — И я очень прошу всех вас: не нужно впадать в панику. Я уверена, что всё можно будет уладить. У нас с мистером Генри назначена встреча в три часа.

— Хорошо, — сказала мисс Финч, и они обменялись взглядами с мадам Зельдой. — Увидимся с вами в учительской.

После этого миссис Найт ушла, нервно потирая руки. Было ясно, что сама она как раз достаточно близка к панике.

— Подозрительно всё это звучит. Тухляк, — шепнула я слегка побледневшей от таких новостей Айви, и она кивнула.

Да, интересно было бы узнать, что это за «планы» такие у этого *Барти* насчёт нашей школы.

— Давайте к делу, девочки, — сказала нам мисс Финч, усаживаясь на свой вертящийся круглый стульчик у рояля. — Начинайте разогреваться.

Каким облегчением было снова погрузиться в танец. Во время занятий, глядя на собственные бесчисленные отражения в настенных зеркалах, я смогла забыть обо всём. За весь этот час ни разу не вспомнила ни про шкатулку с секретом, ни про нашу мачеху, ни про мистера Бартоломею и его сына. Я думала только о своих движениях и слышала только рояль,

на котором играла мисс Финч. Между прочим, занятия захватили всех, и даже Пенни не лезла вперёд и оставляла при себе свои ехидные замечания.

Но когда урок закончился и мы поклонились на прощание своим педагогам, на меня с новой силой навалилась действительность со всеми её проблемами.

Прежде всего мне ужасно хотелось знать, какие именно «планы» вынашивает Генри Бартоломью.

– Подсмотреть их встречу мы никак не сможем, а? – шёпотом спросила я у Айви, когда мы с ней развязывали и снимали пуанты.

– Как ты это себе представляешь? – скривилась сестра. – Мы же не можем просто взять и заявиться в учительскую, там же учителя будут.

Хм... Это верно. В окна подсмотреть? Ну, во-первых, ничего сквозь них толком не услышишь, зато твоё лицо с расплюснутым о стекло носом увидят сразу. Ничего не выйдет.

– Что ж, придётся сидеть и ждать, – вздохнула я.

Впрочем, остаться без дела нам не грозило. Нужно было срочно показать Ариадне то, что мы привезли из дома. Мы бегом вернулись в свою комнату. До обеда у нас оставалась пара свободных часов, и Ариадна не заставила себя долго ждать, она пришла к нам сразу после хоккейной тренировки. Эбони каким-то образом от занятий физкультурой удалось отвертеться. Вместо этого Эбони должна была писать сочинения о пользе занятий спортом – такое задание она по-

лучила ещё в прошлом семестре, когда на отрез отказалась ходить на физкультуру. Тогда Эбони ещё выдавала себя за ведьму и вела себя с учителями дерзко до невозможности (и это ещё очень мягко сказано).

Обсосав до косточек новость о смерти мистера Бартоломью, мы уселись на потёртом ковре нашей спальни и поставили перед собой шкатулку.

– Ну вот, смотри, – сказала я, сгорая от желания как можно скорее показать своей подруге то, что мы обнаружили с сестрой. – Крышка открывается, танец начинается. Но как только музыка «споткнётся» и ты услышишь слабый щелчок, нужно нажать вот сюда.

Я запустила балерину, дождалась щелчка и открыла потайной ящик, из которого вытащила фотографии и пожелтевшие листы бумаги.

– Ого! – воскликнула Ариадна, когда я осторожно передала ей бумаги. – Потрясающе! Просто не верится, что за столько лет этот тайник никто не нашёл и не открыл!

– Похоже на тот же шифр, который ты раньше переводила? – с тревогой спросила Айви.

– Думаю, да, – нахмурила серенькие бровки Ариадна. – Ну или, может быть, чуть-чуть изменённый. Я посмотрю, что с ним можно сделать.

– Ариадна, ты лучшая, – улыбнулась я ей.

– Очень рада снова быть в команде, – улыбнулась она в ответ.

– Знай, что бы ни случилось, ты *всегда* в команде! – я обняла её за плечи. – Но... Но только знаешь, Ариадна, ты всё же Эбони это не показывай, ладно? Пока, во всяком случае.

Ариадну, мне кажется, эта просьба слегка смутила, но ни это, ни что другое не могло погасить охватившего меня в этот момент радостного возбуждения. Наконец-то мы вплотную приблизились к тому, чтобы раскрыть последние секреты нашей мамы.

Глава пятая

Айви

Как оказалось, о планах Генри Бартоломью мы смогли узнать намного раньше, чем ожидали.

Это произошло в тот же день, ближе к вечеру, когда мы все собрались на ужин в столовой. Как всег да, к окну раздачи образовалась очередь, в которой все толкались.

Мы тоже стояли в этой очереди, и Скарлет вдруг начала тыкать меня локтём.

— Эй! — воскликнула я. — Ты что?

— Смотри! — она кивнула на дверь.

В столовую вошёл Генри Бартоломью собственной персоной, и привычный гул голосов сразу же начал утихать — его появление заметили. А вот сам *Барти*, кажется, ни на кого вокруг никакого внимания не обращал, спокойно прошёлся

по столовой, разглядывая стены и потолок. Руки в карманах, тёмные глаза что-то выискивают, высматривают – *что* именно, хотелось бы знать.

– Что он делает? – прошептала Скарлет.

Я промолчала, потому что на этот вопрос у меня ответа не было.

Мы так засмотрелись на мистера Бартоломью-младшего, что не заметили, как подошла наша очередь к окну выдачи.

– Кхм! – кашлянула повариха. – Шевелитесь давайте, мне некогда здесь целый день торчать!

– Простите, – промямлила я, подставляя свой поднос, чтобы получить вечернюю порцию традиционного жаркого.

К тому времени, когда мы с полными подносами подошли к своему столу, Генри успел закончить осмотр и уже направлялся к выходу. Что ему здесь было надо, и что он замышляет? Догадаться о чём-либо по выражению его лица было совершенно невозможно. Генри шёл, гордо подняв голову, и уверенно улыбался всем встречным учителям.

Миссис Найт, стоявшая в дверях, тихо сказала что-то входившей в столовую мисс Боулер.

Ну, о том, что за глотка у мисс Боулер, вы уже знаете, поэтому неудивительно, что её ответ услышали многие, кто был рядом. А дальше слова мисс Боулер стали стремительно растекаться, повторяться по всей столовой, словно круги от упавшего в пруд камня.

– Как это понять, что вы должны будете *закрыть шко-*

лу?! – вот что воскликнула наша преподавательница физкультуры, выслушав миссис Найт.

– *Что?* – переспросила Скарлет.

– *Но почему?!* – воскликнула Ариадна.

И тут все дружно закричали, зашумели, а побледневшая миссис Найт могла только стоять и смотреть на всё это. Потом она взяла себя в руки и громко крикнула, хлопнув пару раз в ладоши:

– Девочки! Девочки! Внимание, девочки! Тише!

Её услышали, и стало тихо.

– Пожалуйста, успокойтесь, поводов для паники нет никаких, – начала миссис Найт. Начала вроде бы уверенно, но все мы знали, что точно так же она разговаривает и в минуты самых сильных бед и потрясений. Прокашлявшись, директориса продолжила: – Как вы все уже слышали, у нашей школы появился новый владелец, мистер... Генри Бартоломью. Он поделился со мной своими планами. Мистер Бартоломью хочет... – И тут миссис Найт замерла на полуслове, уставившись в пространство пустым взглядом актёра, забывшего текст роли.

– Что это с ней? – шепнула мне Скарлет, но я шикнула на неё.

Миссис Найт сделала глубокий вдох и пошла на второй заход.

– Он хочет закрыть это здание.

И тишина вновь взорвалась, наполнилась гулом возбуж-

дённных голосов.

– Но *почему*?

– А что будет со всеми нами?

– Куда мы в школу ходить будем?

– Хватит! – это была мисс Боулер.

На этот раз она крикнула так, что, по-моему, даже стулья под нами затрещали.

Я не могла не заметить, как дрожат руки у миссис Найт.

– Успокойтесь все, пожалуйста, – сказала она. – Речь шла о проверке безопасности здания. Возможно, его закроют лишь на какое-то время. Ничего ещё до конца не ясно. Давайте просто подождём и посмотрим, договорились?

Затем она многозначительно взглянула на мисс Боулер и покинула столовую.

– Ну что вы стоите? Чего ждёте? – напустилась на нас мисс Боулер. – Живо взяли ложки и за еду, пока не остыло! И хватит болтать!

И она, закончив отдавать приказы, с багровым, как варёная свёкла, лицом широкими шагами поспешила вслед за своей начальницей.

После этого тишина в столовой, как вы сами понимаете, продлилась недолго.

– Как вы думаете, она это всерьёз? – спросила Скарлет, наклоняясь над столом.

– Очевидно, – ответила я, сама не зная, что толком сказать. – А может быть, и ничего страшного не случится. Про-

сто эта... ну... проверка, как она сказала. Проверят здание и уйдут.

– А у *него* действительно есть право закрыть школу? – уточнила моя сестра. – И если да, то может ли он закрыть её *навсегда*?

– Это ужасно, – сказала Ариадна. Она сморщилась так, словно готова была заплакать, но сдержалась. – Если школу закроют... нас всех разлучат! Куда мы отправимся? А что, если меня снова пошлют в мою бывшую школу? Вот гадство! Если там, конечно, согласятся принять меня назад после того, как выгнали.

– Мы не допустим этого, – твёрдо заявила Скарлет.

Я удивлённо подняла брови, глядя на неё. Не понимаю, как можно обещать подобные вещи.

Затем я склонилась над своей тарелкой, надеясь за едой привести в порядок свои мысли.

– Мне кажется, мы должны поступить, как говорит миссис Найт, – подумав, сказала я. – Не стоит впадать в панику, когда мы ещё не знаем даже, что собирается делать Генри Бартоломью.

Ариадна жалобно застонала и спрятала лицо в ладонях.

Я в растерянности прикусила губу, пытаюсь разобраться в своих чувствах. Руквуд в последнее время сильно изменился, а вместе с этим изменилось и моё отношение к нему. И вот теперь появился человек, который имеет право угробить нашу школу. Да, именно угробить. Не подмочить репутацию

нашей директрисы из мести, как это пыталась сделать мисс Фокс, а уничтожить всё подчистую, камня на камне не оставить. А если школу закроют, то не искать нам здесь больше разгадку старых тайн, не останется ничего, что хранит память о нашей маме. И новых приключений с Ариадной, Розой и другими тоже не будет.

А что, если случится *самое* страшное и нас с сестрой не переведут в другую школу, а отправят назад к мачехе? Но об этом мне даже думать не хотелось. Ведь Эдит уже не раз и не два давала понять, что скорее засадит нас со Скарлет в психушку, чем позволит жить в своём доме.

– Давайте не будем паниковать раньше времени, – сказала Скарлет, и это был редкий случай, когда моя сестра говорила так рассудительно. – Может быть, нам действительно нужно прислушаться к миссис Найт, тем более что у нас сейчас есть более важные проблемы.

– Более важные, чем возможное закрытие школы? – удивилась Ариадна.

– Представь себе, да, – Скарлет ткнула вилкой в её сторону. – Например, расшифровка записей нашей мамы. Мы должны узнать, что произошло, когда она писала эти заметки. Это может оказаться очень важно.

Моя сестра была права. Всё равно мы никак не могли повлиять на Генри с его планами – прямо сейчас, во всяком случае, – зато в наших силах было узнать, что за тайна скрывается за цифрами на листках, хранящихся в нашей музы-

кальной шкатулке.

Ариадна надула щёки, затем длинно, шумно выдохнула и сказала:

– Да, конечно. Попробую сделать это сегодня же вечером. Но только как мне это скрыть от Эбони?

– Скажи, что у тебя дополнительное задание по арифметике, – посоветовала Скарлет. – Это такая скука, что проверять тебя никому в голову не придёт.

– Между прочим, у меня на самом деле есть дополнительное задание по ариф... – начала Ариадна, но благоразумно оборвала себя на полуслове.

* * *

В ту ночь мне не спалось. Мысли мешали. Я не хотела больше думать о том, что случится с нами, если школу на самом деле закроют, и вместо этого пыталась понять ход мыслей моей мамы. Странная вещь – стоило мне решить, что больше не осталось ничего, что можно было бы о ней узнать, как мы с сестрой оказывались на пороге нового открытия.

Я мысленно молилась, чтобы Ариадна смогла расшифровать записки из музыкальной шкатулки. Пусть шифр, которым пользовалась мама, окажется тем же самым, которым она пользовалась раньше. Да и зачем, собственно, ей было изобретать новый шифр вместо того, что придумали Шепчущие? Интересно, откроются ли на покрытых цифрами стра-

ницах новые тайны, относящиеся к временам Шепчущих, вместе с которыми училась мама?

Эти мысли будоражили меня, не давали уснуть. Я сгорала от нетерпения.

Я села в постели, позвала шёпотом сестру:

– Скарлет, ты спишь?

– Что... Нет, – ответила она.

– Я глаз сомкнуть не могу, – сказала я. – Не могу дождаться, когда же мы узнаем, что в тех бумагах написано.

– Я тоже, – откликнулась Скарлет.

И тут раздался негромкий стук в дверь.

Час был поздний, свет везде давно погашен. Это означало, что за нашей дверью либо экономка, либо...

Мы со Скарлет одновременно откинули одеяла, соскочили с кроватей и бросились открывать дверь.

– Ариадна! – воскликнула я.

Она стояла у нас на пороге в ночнушке, поверх которой был надет свитер, и с пачкой бумажных листов в руке.

– Я расшифровала их, – прошептала Ариадна. В темноте я не могла прочесть выражение её лица. – Все листы. И подумала, что вам захочется узнать, что на них написано.

Глава шестая

Скарлет

Мы затащили Ариадну в комнату и как можно тише закрыли дверь. Я потянулась было включить свет, но Айви остановила меня.

– Ты что? А если экономка заметит?

Я не думала, честно говоря, что такое возможно, потому что час был поздний, а наша экономка, как известно, спит словно убитая, но...

Да, наверное, Айви была права. Рисковать мы не имеем

права.

– Не волнуйтесь, – успокоила нас Ариадна. – Я свечу принесла.

Она села на пол и вытащила откуда-то огарок свечи в маленьком подсвечнике. Затем в другой руке Ариадны (и тоже каким-то волшебным образом) появился коробок. Наша подруга чиркнула спичкой, загорелся яркий огонёк, от которого занялся затем и фитиль свечи.

– Послушай, Ариадна, где ты держишь всё это барахло? – спросила я.

– В своих чемоданах, – спокойно ответила она. Да уж, чего-чего, а чемоданов у Ариадны хватало. – Я ваши листки без передышки расшифровывала весь вечер, с самого ужина. Несколько часов на это убила. Пришлось соврать Эбони, что решаю суперсложные задачки по арифметике. Так, для собственного удовольствия.

Мы усадились рядом с Ариадной на вытертый ковёр нашей спальни, прижались друг к другу, чтобы было теплее, и она вытащила листочки маминых записей и свой перевод.

– Так это тот самый старый шифр Шепчущих? – спросила я, глядя на листки.

– Да, к счастью. Это очень облегчило дело, хотя мороки всё равно было предостаточно, – сказала она и указала на листок со своими записями. – Начни отсюда.

И я начала негромко читать вслух.

1

Сегодня мы переехали в коттедж. Я никогда не думала, что вновь буду жить когда-нибудь так близко от Руквудской школы. Мортимер не имеет ни малейшего понятия о том, что именно здесь всё и началось. Он не знает даже, кто я такая на самом деле. Знать, что Руквуд совсем рядом, если посмотреть по карте... Знать, что он может быть здесь... Всё это заставляет меня с новой силой вспоминать о прошлом. Я думала, что смогу забыть, но, оказывается, не могу. Память сохранилась, и она жжёт меня. Оказывается, после стольких лет я всё ещё помню наши старый секретный шифр. Думаю, именно с его помощью и следует сделать эти записи.

2

Сегодня многое прояснилось. Всю ночь я мучила себя. Слишком долго я бежала от своего прошлого, пряталась от него. Я не только о себе правду скрывала. Моя дорогая Эмми была убита, и я знаю, что её убийца до сих пор находится в Руквудской школе и не понёс никакого наказания. Возможно, я в корне неверно думала обо всём этом. Переезд сюда – это мой шанс

3

Я вновь оказалась в деревне Руквуд. Я убедила мужа, Мортимера, взять меня с собой, сказала, что мне неплохо будет для разнообразия побывать там. Я надела перчатки, безуспешно пытаюсь скрыть под ними свои дрожащие руки. Я оставила мужа беседовать на церковном дворе с местным священником, а сама направилась в магазин. Прикрыла своё лицо шарфом, молясь о том, чтобы меня не узнали, и, по-моему, не привлекла ничьего внимания. Я поговорила с несколькими местными жителями, и мои худшие опасения подтвердились. Он действительно до сих пор управляет школой. Женищина, с которой я разговаривала, прежде всего огляделась по сторонам, словно опасаясь, что он может выскочить из-за угла. Они боятся ЕГО почти так же, как я, хотя, похоже, сами толком не знают почему. Мне передали слухи...

Здесь написанная Ариадной строчка обрывалась.

– Что случилось? – взглянула я на неё.

– Она оборвала себя на полуслове, – ответила Ариадна, передавая мне новый лист. Айви наклонилась, желая тоже взглянуть. – Вот отсюда продолжай.

Продолжаю. Закончить запись вчера мне помешало появление Мортимера. Возможно, прочитать этот шифр он не сможет, но я всё равно не хочу рисковать. Он просто спросил, над чем я работаю. Надеюсь когда-нибудь рассказать ему всю правду, но не сегодня, нет. Итак, о слухах насчёт директора школы (не хочу писать его имя). Он по-прежнему пользуется ужасной репутацией, но помимо этого говорят, что на самом деле ему эта школа не принадлежит, что он присвоил права на неё обманным путём. Это очень важно! Я должна глубже покопаться в этом.

– Вы поняли? – спросила я, обращаясь к Айви и Ариадне. – Возможно, мистер Бартоломью не был законным владельцем нашей школы! А это означает, что Генри не мог получить её в наследство. Это же всё меняет, буквально всё!

Я была взволнована и восхищена тем, что мы узнали связанную с мистером Бартоломью тайну так скоро после его смерти, и именно в тот момент, когда она была *так* нам необходима. Такое впечатление, что наша мама каким-то образом почувствовала это.

– Читай дальше, – кивнула мне Ариадна.

5

Думаю, слухи могут оказаться правдивыми. Я изучила всё, что смогла. На протяжении нескольких веков Руквуд принадлежал одной старинной семье, – каким образом он мог перейти к нему? Только что он был всего лишь директором школы, и вдруг – раз! – и я читаю в газете, что это поместье всегда принадлежало ему. Как такое может быть? Что-то здесь не так, но, боюсь, единственное место, где можно найти доказательства, находится внутри Руквуда.

6

Я совершила огромную, чудовищную ошибку. Я ни при каких обстоятельствах не должна была вновь переступить порог этой школы.

Айви ахнула.

Я взяла паузу и удивлённо подняла брови.

– Она вернулась? Сюда?! – воскликнула моя сестра. – Вот уж никогда бы не подумала...

И она замолчала, так и не договорив.

Мортимер согласился вновь привезти меня сюда. Он считает странным, что это место так сильно

притягивает меня, но я с ним не спорю. На этот раз я оставила мужа вместе с его приятелем в кабачке «Лиса и гончие», а сама отправилась в школу. Шагая по длинной подъездной аллее, я словно погружалась в прошлое, в голове теснились воспоминания, которые я столько лет пыталась забыть. Секретарше я представилась как мать, подыскивающая школу для своей дочери, и мне позволили пройти осмотреть школу. На каждом шагу я чувствовала опасность, но мне нужно было искать доказательства против него. Кое-что я нашла в библиотеке, там оказались документы, проливающие свет на историю школьного здания, но этим всё и ограничивалось. Я поискала в других местах, даже в тайниках, о которых помнила с давних пор. Попадаясь кому-нибудь на глаза, я сразу прикидывалась любопытной мамашей. К сожалению, мои дальнейшие поиски успехом не увенчались.

Уже направляясь к выходу, я вдруг увидела ЕГО – директора школы, мистера Бартоломео. Он широким шагом направлялся навстречу мне по коридору. На долю секунды наши взгляды встретились, и у меня кровь заледенела в жилах. Я поспешно отвернулась и нырнула в первую попавшуюся классную комнату. До сих пор не знаю, заметил ли он меня, а если заметил, то узнал ли во мне девочку, которая много лет назад бросила ему вызов. Известно ли ему, что я была единственным свидетелем убийства Эмми? Очень боюсь, что известно. Боюсь, что он теперь узнает, кто я и где я живу. Как я

могла совершить такую глупость? Не моё это дело, такие загадки разгадывать, и не сейчас, когда я счастлива, благополучна, когда я замужем. Если я собираюсь уничтожить ЕГО, мне нельзя действовать безрассудно. Я должна стать сильнее. Мне нужен план.

На этом записи заканчивались, больше страниц с переводами Ариадны не осталось.

– У неё было столько всего, но она так и не смогла одолеть мистера Бартоломью? – нахмурилась я.

– Зато *мы* смогли, – заметила Айви.

Я подняла голову и посмотрела на свою сестру. Взглядом со мной она не встретилась, а я заметила блеснувшую у неё на щеке слезу. Я понимала, что чувствует сейчас Айви. Мы с ней действительно сумели отомстить и за свою маму, и за её подругу. Это мы с ней остановили, наконец, директора.

Ах, если бы только мама могла хоть на минутку вернуться назад и узнать, что правосудие свершилось! Мне невыносимо было думать, что мама умерла, так и не закончив начатое дело, ушла из жизни, чувствуя себя проигравшей. Я сжала в кулаке переведённые Ариадной страницы.

– Это всё очень важно, – сказала Ариадна. – Возможно, ваша мама была на пороге какого-то открытия. Если мистер Бартоломью не был в действительности владельцем школы, то кому же тогда она принадлежала? Быть может, той старинной семье, о которой упоминается в записках?

Я неопределённо хмыкнула, но ничего не сказала, боялась показать, что готова заплакать.

Глаза Ариадны сияли в отблесках свечи. Она вытащила оставшиеся страницы – это, по всей видимости, были документы, которые мама нашла в школьной библиотеке, – пожелтевшие, многократно сложенные, исписанные витиеватым почерком и очень старые на вид листки.

– Их я тоже прочитала, – сказала Ариадна. – Между прочим, это оказалось не так-то легко.

Я, прищурившись, присмотрелась к верхнему листочку. Действительно, многие слова выглядели незнакомыми, словно на чужом языке написанными, однако слово «*Руквуд*» я смогла прочитать вполне уверенно.

– Что-нибудь полезное есть в этих бумагах? – спросила я.

– В них говорится о лорде и леди Руквуд. Немного об истории их семьи и истории школьного здания. Изначально это был загородный особняк, построенный в шестнадцатом веке. Позднее его не раз расширяли и перестраивали. Всё это довольно любопытно...

– А если вкратце? – нетерпеливо перебила я её.

Айви, по своему обыкновению, закатила глаза, возмущаясь моей бестактностью.

– Вкратце? – переспросила Ариадна. – Если вкратце, то я *думаю*, что ваша мама пыталась доказать, что этим домом на протяжении столетий владела одна-единственная семья, Вуттоны. По традиции дом переходил по наследству к стар-

шему из детей, а если брак оказывался бездетным, то к одному из кузенов Вуттонов. В любом случае предполагалось, что дом всегда будет оставаться собственностью семьи. Тогда возникает вопрос: каким образом этот дом в конечном итоге оказался в руках мистера Бартоломью?

– Может, наступил момент, когда дом некому было передать по наследству? – предположила Айви, поглаживая старинные бумаги кончиками пальцев. – И тогда его передали мистеру Бартоломью, потому что тот хотел управлять школой.

– Я думаю, мистеру Бартоломью очень хотелось, чтобы именно так все и думали, – возразила я. – Но как всё было *на самом деле*?

– Это было так давно, – печально улыбнулась Айви. – Не знаю, сможем ли мы сейчас что-то откопать.

Ариадна согласно кивнула, не говоря ни слова.

Я смотрела на огонёк свечи и чувствовала, что и у меня внутри начинает всё сильнее разгораться искорка надежды. Нет, не бывает так, чтобы всё исчезло бесследно. Всегда остаётся ниточка, за которую можно потянуть.

– Погодите, – сказала я, переводя взгляд с сестры на нашу лучшую подругу и обратно. – Почему не сможем откопать? Очень даже сможем. Мы с вами, можно сказать, мастера открывать правду.

– Но после стольких лет... – начала Ариадна.

– Мы справлялись с такими задачками раньше, справим-

ся и теперь. Вспомните сами: Шепчушие, мисс Фокс, семейная история Розы. Разве мы не раскрыли все эти тайны? – я ещё раз посмотрела на них и с широкой улыбкой добавила: – Правду нельзя скрыть навсегда.

Глава седьмая

Айви

В то утро нас разбудил не привычный звон колокола, а раздавшийся в коридоре шум. Зевая, я подошла к двери, приоткрыла её и высунула голову, посмотреть, что это там происходит.

А там, в дальнем конце коридора, стоял мужчина и о чём-то спорил с нашей экономкой.

— Бред какой-то! Я ничего подобного ещё никогда в жизни не слышала! — кричала экономка, размахивая руками. На ней всё ещё был надет домашний халат, волосы накручены на бигуди. — В конце концов, здесь спальни девочек, а не что-нибудь!

Стали открываться двери других комнат, из них начали высовываться другие головы.

– Я всё понимаю, мадам, – отвечал ей мужчина. Он был низеньким, седым, в очках, а в руке держал планшетку с зажимом для бумаг. – Но меня наняли для того, чтобы я провёл полную инспекцию здания.

– Меня не интересует, для чего вас наняли! – качала головой экономка. – Я не позволю вам расхаживать по этим комнатам, во всяком случае в то время, когда в них девочки! А лучше вообще никогда. Кто вам дал такое право?

Мужчину пылкие реплики экономки совершенно не задевали. Он перевёл взгляд с планшетки на свои часы и сказал, не глядя на сестру-хозяйку:

– Простите, но такое задание мне дал владелец этого здания.

– Сказал «простите», а на самом деле и не думает извиняться, – шепнула появившаяся за моим плечом Скарлет.

Она была права. Седой коротышка и не думал извиняться.

– Это несерьёзно, – сказала экономка, в очередной раз всплеснув руками. – Когда наша директриса узнает об этом...

– Когда ваша директриса станет владелицей школы, тогда она и сможет отдавать распоряжения, – перебил её мужчина. – А сейчас я вынужден настаивать на том, чтобы вы разрешили мне осмотреть комнаты.

Экономка набрала воздуха в грудь. Так она делала всегда перед тем, как накричать на нас, это я хорошо знала. Но затем она длинно выдохнула, сдулась, словно проколотый воз-

душный шарик, и уже немного тише сказала:

– Хорошо... Хорошо. Но вы сможете осмотреть комнаты позднее, ясно? Во время уроков.

На какое-то время повисло молчание, и я думала, что мужчина сейчас начнёт возражать, но он просто ещё раз взглянул на свои часы и сказал со вздохом:

– Ладно. Тогда я пойду сначала на четвёртый этаж. Но я вернусь. Мне нужно осмотреть все комнаты до единой.

И он, ничего не говоря больше, двинулся в сторону лестницы.

Экономка обхватила голову ладонями, а когда вновь опустила их, то очень удивилась, увидев возле себя нас – мы облепили её, как муравьи. Меня сюда за руку притащила Скарлет, хотя я бы и сама пошла, мне тоже любопытно было.

– Что происходит, мисс? – требовательно спросила Пенни, наша неугомонная староста.

– Кто этот мужчина? – спросила Скарлет.

Сначала экономка невнятно и тихо проворчала что-то себе под нос. Не знаю, что именно, но не очень приятное, это точно.

– Инспектор, – затем сказала она. – Его послал сюда новый владелец дома. Дал ему задание всё осмотреть, измерить, ну или ещё что-то там... Не знаю. Ну нет, только не в моё дежурство! И вообще в эти комнаты никто не посмеет войти без моего согласия, так-то!

Я обменялась взглядом со Скарлет. Мы обе понимали, что

экономка может сколько угодно упираться, но ничего поделить с этим инспектором у неё не выйдет.

Дружно зажурчали голоса, начались разговоры о том, что всё это может означать.

– Так, что я вижу? Вы почему до утреннего колокола из постелей вылезли, а? – всполошилась экономка. – Никогда бы не подумала, что с вами, сонями, такое возможно. А ну, быстро по местам, досыпать!

Она разогнала нас по комнатам, но не успели мы снова лечь, как задребезжал колокол.

– С добрым утром! – сердито проворчала Скарлет. – Слушай, как ты думаешь, что ему здесь надо? Интересно, а о потайных комнатах он знает или нет?

– Понятия не имею, – хмуро откликнулась я, влезая в своё форменное платье. – Лестница в подвал сгорела, когда был пожар в библиотеке, а комнаты на четвёртом этаже заперты.

– К тому же в них всё равно ничего нет, кроме сломанной мебели, – закончила мою мысль сестра. – Всё это так, однако могут быть и ещё потайные комнаты, о которых мы пока не знаем. Если этот инспектор такой дотошный, так он же захочет в каждый уголок свой нос засунуть, как думаешь?

В словах Скарлет был смысл, не спору.

– Ладно, будем надеяться, что миссис Найт ничего ему не расскажет. Да и сама она знает далеко не всё, – сказала я.

Если в Руквуде всё ещё остаются нераскрытые тайны, нельзя позволить Генри Бартоломью добраться до них рань-

ше, чем это сделаем мы.

* * *

Я даже не слишком удивилась, когда, отправляясь на завтрак, увидела Генри, стоявшего у входа в столовую. У него в руках тоже была планшетка с приколотым к ней листком бумаги. На бумаге виднелись какие-то записи – возможно, сделанные инспектором.

Я хотела гордо пройти мимо него, словно он был пустым местом, но у Скарлет оказались другие планы на этот счёт.

Не заходя в столовую, она направилась напрямик к Генри и спросила:

– Что происходит?

Генри оторвался от своих записей и с улыбкой посмотрел на Скарлет. Я обратила внимание, какие белые и ровные у него зубы. Просто идеальные.

– Привет, – весело сказал он. – И тебе доброе утро!

– Доброе? – нахмурилась Скарлет, скрестив руки на груди. – Это потому доброе, что нас разбудил сегодня ни свет ни заря инспектор, которому приспичило измерить наши спальни? *Ваш* инспектор, между прочим!

– Мистер Хардвик? О, да, – всё так же весело откликнулся Генри. – Но боюсь, что это необходимо сделать. Мне нужно знать всё о состоянии этого старого здания, прежде чем решить, что делать с ним дальше.

Я попыталась оттащить мою сестру в сторону, но она, оказывается, ещё не закончила.

– А то, чего *мы* хотим, вас не интересует? Это совсем не имеет для вас никакого значения, да? – требовательно спросила сестра.

– Послушай... – коротко хохотнул Генри. – Как тебя зовут, девочка?

– Скарлет.

– Послушай, Скарлет, я бы не стал так сильно беспокоиться, но речь-то идёт о *вашей* безопасности, понимаешь? Вы же не хотите, я думаю, чтобы эта старая развалина в один не самый прекрасный день рухнула вам на головы? Так что провести детальную инспекцию здания, чтобы понять, в каком оно состоянии, просто необходимо, – тут он развёл руками так, словно хотел сказать: «*Ну что я, право, могу поделать?*», а затем легонько потрепал Скарлет по плечу. – Я уверен, что в конце концов будет принято решение, которое всех-всех устроит.

Он ещё раз одарил нас своей лучезарной улыбкой, сунул руки в карманы и пошёл прочь, весело насвистывая себе под нос.

– Да-а, – протянула Скарлет, глядя ему вслед.

– Что ты делаешь? – спросила я.

– Всё в порядке, – повернулась она ко мне. – Разведка боем. Мне нужны были ответы на мои вопросы, и я решила получить их, что называется, из первоисточника.

– Не уверена, что у тебя что-то из этого получилось, – заметила я и потянула её за собой в столовую.

– Ничего плохого не случилось, – она вырвала свою руку. – Правда, и толку от этого разговора было мало, согласна. Этот *Барти* считает себя очаровашкой, но на самом деле он змей самый настоящий!

Эту мысль я обдумывала всю дорогу до очереди на раздачу, а когда мы в неё встали, спросила:

– Змей, говоришь? А что, если он всё это... искренне?

– Ты что?! – прищурила глаза Скарлет. – Искренне? Да разве он может быть искренним или добрым? Он же *сын мистера Бартоломео*!

Я моргнула. Сестра, очевидно, была права. Но с другой стороны, не всегда же дети бывают похожими на своих отцов. Мы с сестрой – яркий тому пример, между прочим.

В этот момент к нам подошли Ариадна и Эбони.

– А вы-то где были этим утром? – повернулась к ним Скарлет.

– Что ты хочешь сказать? – наморщила свой носик Эбони.

– Мы только что проснулись, – зевая, пояснила Ариадна.

Я невольно рассмеялась. Да, Ариадна спать мастерица, это мне известно. К тому же вчера она до поздней ночи расшифровывала записки нашей мамы, так что неудивительно, что она весь утренний переполох в коридоре проспала. А Эбони?

– А я вчера почти всю ночь уснуть не могла, всё вчераш-

ние события вспоминала. Только под утро и заснула, – словно прочитав мои мысли, пояснила Эбони.

Тут мы коротенько рассказали им и про инспектора, и про разговор Скарлет с Генри.

Слушая нас, Ариадна безуспешно пыталась пригладить на своей голове торчащий под каким-то немыслимым углом клоч сереньких волос.

– Я думаю, в инспекции есть смысл, – сказала она, подумав. – Генри просто хочет понять, стоит ли это здание того, чтобы его ремонтировать. Или проще снести и построить на этом месте новое.

– Ну конечно, его нужно отремонтировать, – сказала Эбони. – Ведь это же не просто здание, а *исторический памятник*! – Тут, выбрав самый для этого неподходящий момент, жалобно чихнул радиатор парового отопления, выбросив в воздух густое облако пыли. Ариадна побежала затыкать его.

– Вот это и меня тревожит, Эбони, – ответила Скарлет. – Что они на самом деле за историей охотятся. За оставшимися здесь тайнами.

Я не знала, верить этому или нет.

– Но может быть, он просто хочет заработать какие-то деньги на этом здании? – неуверенно предположила я. – И если так, то хорошо это или плохо?

В этот день во время нескольких уроков нас ожидало неожиданное развлечение в виде визитов мистера Хардвика, инспектора. Учителя пытались – безуспешно, разумеется, – прогнать его, после чего, скрепя сердце, разрешали инспектору осмотреть свою классную комнату. Сами понимаете, что нам, ученицам, было непросто склонять французские глаголы или разбирать «Оливера Твиста», пока перед нами суетится этот господин.

Часто (пожалуй, даже *слишком* часто) инспектор замирал на месте и громко (пожалуй, даже *слишком* громко) производил «Хм» и доставал свою рулетку. Затем что-то измерял и записывал на своей планшетке, при этом его карандаш так отвратительно скрипел, что хотелось заткнуть уши. Закончив писать, мистер Хардвик мог, например, опуститься на колени и уставиться на плинтус или, поднявшись на цыпочки, вытянуться, чтобы рассмотреть потолок.

– Клянусь, – сказала мне Скарлет на последнем уроке. – Если он ещё раз скажет своё «хм», я удавлю этого инспектора на его же чёртовой рулетке!

Как раз в это время мистер Хардвик подошёл к дальней стене нашей классной комнаты, где стоял камин – один из немногих остатков первоначального, старинного здания. Здесь инспектор потоптался, подумал, а затем раскатисто

произнёс: «Хм-м-м-м».

Скарлет вскочила со своего места, но, по счастью, тут грянул звонок, и я поскорее увела свою сестру прочь, пока она тут дел не натворила.

* * *

Несколько следующих дней оказались примерно такими же. Уроки шли, как обычно, и я начала погружаться в привычный ритм школьной жизни, хотя всё время подсознательно помнила о грозовой туче, невидимо нависшей над всеми нами. Очень часто появлялся и вновь исчезал из вида снующий по всем коридорам мистер Хардвик с его неизменной планшеткой в руках. Скарлет даже пыталась однажды подсмотреть, что он там записывает, но вернулась ни с чем – не смогла разобрать его закорючки.

Утром в пятницу на окрестности школы опустился густой сизый туман, и я невольно поёжилась, увидев эту картину из окна нашей комнаты. Из тумана выступали чёрные скелеты голых деревьев, они казались нарисованными углём на размытом серебристом фоне неба. Короче говоря, погода была отвратной, но, несмотря на это, настроение у меня было приподнятым.

Оно испортилось у меня чуть позже, когда всех нас позвали на собрание.

Начнём с того, что миссис Найд не занимала своего при-

вычного места, не расхаживала вдоль края сцены. И никого из учителей на сцене тоже не было, а вместо них на ней стоял Генри Бартоломью.

– Зачем он здесь? – шёпотом спросила я у Скарлет, но та была настолько потрясена появлением Генри, что просто меня не слышала.

По всему залу уже ползли тревожные шепотки.

– Здравствуйте, девочки, – громко сказал Генри, и сразу стало тихо-тихо, вот как всем хотелось услышать, что же он скажет. – Я подумал, что должен сам прийти и рассказать вам о своём решении. На мой взгляд, так будет правильнее всего, если напрямую.

– Ах ты... – начала тихонько бормотать Скарлет, но я одёрнула сестру, не дав ей закончить.

– К сожалению, инспектор нашёл в школьном здании много слабых с точки зрения безопасности мест, поэтому я решил, что Руквуд надо закрыть на капитальный ремонт.

Он замолчал, обшаривая взглядом зал и ожидая реакции на свои слова. Я думала, что сейчас начнутся шепотки, разговорчики, реплики всякие, но в зале стояла тяжёлая, давящая тишина. Вероятно, все мы сейчас прикидываем в уме, что будет означать для нас такое решение нового владельца Руквуда. Что теперь ждёт нашу школу? И откроется ли она вновь после капитального ремонта?

Эти вопросы только ещё крутились у меня в голове, а Пенни уже подняла руку и, не дожидаясь разрешения, спросила:

– Как будет закрыта школа? Временно или навсегда?

– О! – воскликнул Генри. Он сложил ладони и указал ими на Пенни. – Хороший вопрос. Мы будем рассматривать все варианты. Возможно, отремонтированное здание больше подойдёт не для школы, а для каких-то других целей. Ну, и в этом случае...

Мы со Скарлет наклонились вперёд, напряжённо вслушиваясь и затаив дыхание.

– ...школа может закрыть свои двери навсегда.

Глава восьмая

Скарлет

Не понимаю, как могли учителя ожидать, что после этого собрания мы будем внимательно слушать их на уроках. Всё утро они пытались заставить нас замолчать, но им это не удавалось. Все без исключения и без остановки обсуждали слова Генри на собрании, пытались угадать, действительно ли он собирается навсегда закрыть нашу школу, или только... пугает.

– Что же нам делать? – с отчаянием в голосе спросила Ариадна за обедом.

– Я думаю над этим, – ответила я, проглотив кусок сэндвича.

Моя голова гудела от переполнявших её мыслей. Я искала, что можно сделать в нынешней ситуации. Но в любом случае твёрдо знала, что не позволю нашему приятелю *Барти* закрыть школу и отобрать у меня и Айви единственную вещь, которая удерживает нас с сестрой от когтей мачехи. Да кем он себя вообще возмнил?

Всё это так, всё так, но нужно было придумать какой-то план. Терпеть не могу, когда у меня нет плана.

– А может быть... – беспомощно вздохнула Айви. – Может быть, если он действительно решил закрыть школу, мы просто должны смириться с этим? Что мы можем сделать?

– Смириться? Вот уж нет! – воскликнула я, хотя в глубине души не была на все сто уверена в том, что моя сестра не права.

Последним уроком в пятницу по расписанию был балет, и я с нетерпением ждала его. Быстро переодевшись, мы с Айви сбежали по лестнице в холодный школьный подвал.

– А, Скарлет, здравствуй, – сказала мисс Финч, сидевшая на своём привычном месте у рояля. – Здравствуй, Айви. Сегодня, девочки, вы опять пришли самыми первыми.

– Хотели поскорей сбежать от тоски наверху, – ответила я, закатывая глаза.

– Ну, ничего, зато у нас есть для вас хорошие новости, – заметила мадам Зельда. Она разминалась здесь же, рядом, закинув ногу на крышку рояля. – Только подождите немного, пока все соберутся.

– Хорошие новости нам всем сейчас нужны как воздух, – сказала Айви, только как-то не очень оптимистично при этом.

И лицо у неё оставалось по-прежнему мрачным, когда она отошла в сторону и села, чтобы завязать ленты на своих пуантах.

– Выше нос! – ткнула я сестру в плечо. – Ты слышала? Хорошие новости!

– Да-да, может быть, – уныло откликнулась Айви, глядя в пол.

Когда весь класс собрался и пуанты были надеты, а волосы

туго перевязаны, чтобы не болтались, мадам Зельда щёлкнула пальцами, привлекая к себе наше внимание.

– Послушайте, девочки! У нас есть для вас объявление. Директор школы поддержала наше предложение показать в этом году балетный спектакль. Мы собираемся поставить с вами укороченный вариант легендарного «Лебединого озера».

Все вокруг заахали, захлопали в ладоши.

Радостно улыбаясь и вращая глазами, я посмотрела на Айви. Я сразу же решила, что это добрый знак. А как же? Судите сами. Какую мелодию играет мамина музыкальная шкапулка? Правильно, тему из «Лебединого озера». А теперь мы под неё танцевать будем! Ну а потом, «Лебединое озеро» – один из самых знаменитых и прекрасных балетов на свете, и я всегда мечтала когда-нибудь станцевать в нём.

Мадам Зельда ещё договорить не успела, а я мысленно уже видела себя в роли Одетты. Вот я белым лебедем летаю по сцене, а зрительный зал переполнен... Мои мечты прервал голос мадам Зельды.

– Поскольку в прошлый раз с распределением ролей у нас возникли некоторые проблемы во время просмотра... – услышав это, я невольно хмыкнула. Да, на том просмотре, где распределяли роли на прошлый спектакль, проблемы действительно были. Сначала Пенни шороху навела, а потом ещё эта мадам Буланже. Зачем её тогда в жюри включили? Только потому, что мадам Буланже преподаёт у нас француз-

ский язык и воображает, будто разбирается в балете просто уже потому, что она француженка? Только слабо верится, чтобы у *настоящей* француженки был такой сильный валлийский акцент, как у неё. Короче, тот просмотр никак нельзя было назвать удачным, – мы решили распределить роли в зависимости от ваших успехов на занятиях в классе.

Хм... Как считать, хорошая это новость или нет? Хотелось надеяться, что хорошая. Всё очень просто: хочешь получить роль, трудись на занятиях. Трудно? Да, но во всяком случае не так будет трепать нервы, как просмотр, где ты должна танцевать на сцене перед жюри, зная, что попытка у тебя всего одна и ты не имеешь права на ошибку.

– Но, мисс, – подняла руку Надия. – Нам только что сказали, что школу закрывают! А если это случится ещё *до* нашего спектакля?

Мадам Зельда и мисс Финч переглянулись.

– У моей мамы есть любимое выражение, Надия, – сказала мадам Зельда. – Знаешь какое? «Не пытайся сорвать яблоко, не вырастив яблони».

– Что? – переспросила Пенни, и лицо у неё при этом сморщилось так, что стало похоже на поросычью мордочку.

– Это значит, что никогда не стоит забегать вперёд и гадать, что да как сложится там, впереди. Может, нам достанутся яблоки, может быть, груши, а может, мы совсем ничего не получим, – пожала плечами мадам Зельда.

– Но ведь Надия дело говорит, – не сдержалась я, чув-

ствуя, как моя мечта о роли начинает таять прямо на глазах. — Нам нужно много-много времени, чтобы отрепетировать спектакль. Генри Бартоломью вполне может закрыть школу раньше, чем мы будем готовы.

Теперь мадам Зельда перевела взгляд на меня и сказала, прищулив глаза:

— Ты не слышала, что я сказала, Скарлет? Мы ничего не добьёмся, если будем только рассуждать о том, что да как может быть.

— Нам нужно просто делать своё дело, — поддержала её мисс Финч. — Получать удовольствие от репетиций. И наши труды не пропадут даром, даже если спектакль в конечном итоге и не состоится.

Я глухо пробормотала, что, дескать, всё это так, что я согласна с ними, и перевела взгляд на Айви. Она по-прежнему стояла, глядя в пол, и я очень сочувствовала ей. Ведь моя сестра только что поняла, что хорошие новости, которые тебе обещают, не всегда оказываются такими уж хорошими.

Что ж, так оно, возможно, и было на этот раз. Но, может быть, всё же в наших силах было что-то сделать, чтобы они стали действительно хорошими?

Несмотря на нависшую над нами угрозу, я на том уроке вкладывала в танец всю свою душу. Я была полна решимости получить главную роль, пусть даже мне и не доведётся сыграть её на сцене.

Но я не только танцевала, я ещё и думала. Танец удиви-

тельным образом раскрепостил мои мысли, очистил голову от всякого лишнего мусора и начал подсказывать идеи, которых мне так не хватало. К концу урока у меня уже сложился план. Я поняла, что нынешнюю проблему прежними способами не решить, тут нужен принципиально новый подход.

После того как мы сделали реверанс перед нашими педагогами и закончили урок, я схватила Айви за руку и объявила:

– Я собираю экстренное совещание.

– Что-что? – переспросила сестра.

– *Экстренное совещание*, – громче повторила я прямо ей в ухо.

– Хорошо, хорошо, – заморгала Айви, прикрывая ухо ладонью. – Но зачем?

– Нам нужно найти способ спасти школу, а сделать это вдвоём, как прежде, у нас с тобой не получится. И я не имею в виду, что нужно позвать только Ариадну. На этот раз нам нужно подключить гораздо больше людей. Нам нужна настоящая большая команда.

По лицу Айви я поняла, что её не слишком вдохновило моё предложение, однако я не унывала. Только что мне удалось запустить в действие свой план, и его колёсики уже начали раскручиваться, набирая ход. Я это хорошо понимала, как и то, кстати, что обратного пути для меня больше не существует.

После ужина я стояла в комнате номер тринадцать на фоне темнеющего окна и смотрела на смущённые лица участниц нашего экстренного совещания.

Айви сидела на своей кровати, рядом с ней Ариадна. Вайолет и Роза сидели на моей кровати и чуть слышно переговаривались о чём-то друг с другом. Эбони сидела посреди нашей комнаты на ковре и напоминала остров в открытом море, а у неё за спиной, тоже на полу, устроились, поджав под себя ноги, Пенни и Надия.

– Хорошо, – сказала я. – Давайте начнём. Я думаю, всех интересует, почему я вас сюда позвала.

– Да-да, почему? – громко спросила Пенни.

– Поймёшь, если дашь мне закончить, – взглянула я на неё. – Итак, я собрала это экстренное совещание для того, чтобы спасти Руквуд.

Я старалась, чтобы мои слова прозвучали торжественно, но моих попыток никто не оценил и не заметил.

– Нет, – снова перебила меня Пенни. – Я имела в виду, почему здесь именно *мы*, – она указала на себя и на Надию. – Ведь ты ненавидишь нас обеих, а Надия, я думаю, по-прежнему ненавидит *меня*.

– Я тебя *не* ненавижу, успокойся, – возразила Надия, закатывая глаза.

Как ни странно, этот ответ, кажется, пришёлся Пенни по душе.

– Замолчите, вы обе, – сказала я им. – Сюда вас позвали

потому, что уже подключили к делу, не важно, хочется вам того или нет. Вы обе были всё время здесь – я имею в виду в Руквуде – и, значит, своими глазами видели то, что случилось с мисс Фокс и с мистером Бартоломью. Вы даже мой дневник читали!

Надия опустила голову, но Пенни сдаваться не собиралась.

– Я всё равно не понимаю, – сказала она.

– Ну что ж, – вздохнула я. – Хочешь, чтобы я привычным для тебя языком всё объяснила? Пожалуйста! Генри – вероломный подлец и гад, которого надо уничтожить.

– Ха, – ответила Пенни. – Тут ты, пожалуй, права.

Она хотела изобразить, что всё это ей не очень интересно, однако на лице у неё расплылась коварная, хищная улыбка.

– Ну вот и прекрасно, – кивнула я и продолжила, сложив руки. – Теперь, я думаю, мне нужно кое-что пояснить насчёт Шепчущих в стенах. Некоторые из вас о них уже знают, но не все.

Мои подруги понимающе кивнули, а те, кто не знал ещё, о ком идёт речь, вопросительно смотрели на меня.

– Шепчущие были в этой школе тайным обществом, в которое входила и наша мама. Это было много лет назад. А мы узнали о Шепчущих, когда Вайолет прятала Розу в потайной комнате в подвале. Прочитали сделанную ими надпись на стене.

– Погоди. Что ты сказала? – перебила меня открывшая от

удивления рот Эбони. – В школьном подвале есть потайная комната?

– Была, – пояснила Ариадна. – Больше этой комнаты нет. Вход в неё уничтожил пожар, который случился у нас в библиотеке.

– А почему Роза там пряталась? – не успокаивалась Эбони.

– Потому что Вайолет помогла Розе бежать из сумасшедшего дома, а Розу туда поместили родственники, желавшие убить её, – ответила я.

– Ну, ничего себе... – присвистнула Эбони.

– Ладно, давайте ближе к делу, – продолжила я. – Целью Шепчущих было вывести на чистую воду мистера Бартоломью-старшего, тогдашнего директора школы. Он был очень жестоким человеком, и однажды назначенное им наказание привело к гибели одной из учениц.

Это сообщение поразило Эбони ещё сильнее, чем все предыдущие, и я подумала, что она, по сути, не знает практически ничего о тех драматических событиях, которые случились в нашей школе до её появления здесь.

– Я слышала, что он проткнул ту ученицу ножом, которым конверты вскрывают, – вскинула свою руку Надия.

– Нет, – вздохнула я. – Не ножом, но это не важно. Короче говоря, мы восстановили всю информацию, которой располагали Шепчущие, и использовали её для того, чтобы вынудить директора признаться в своём преступлении, после

чего его арестовали.

Теперь свою руку подняла Вайолет.

– Я не понимаю, к чему ты всё это нам рассказываешь, – сказала она.

– Послушайте, перестаньте вы руки тянуть, не на уроке же, – попросила я. – И постарайтесь больше меня не перебивать, договорились? Так вот, Шепчущим убрать мистера Бартоломью так и не удалось, но мы довели их дело до победного конца. Теперь мы хотим выступить против его сына, который вот-вот собирается закрыть школу, то ли временно, то ли навсегда. А теперь о главном. Благодаря Ариадне, сумевшей расшифровать секретный код, нам удалось прочитать новую информацию, которую оставила наша мама.

– Что это за информация? – спросила Вайолет.

Я потёрла пальцами виски. Как сделать, чтобы они меня вопросами больше не перебивали и не комментировали? На помощь мне пришла Айви.

– Наша мама сама продолжала собирать сведения о директоре Бартоломью даже после того, как окончила школу, – сказала она. – И до неё дошли слухи о том, что на самом деле мистер Бартоломью никогда не был владельцем Руквуда.

После этих слов от удивления открылось сразу несколько ртов.

– Но это же означает... – прошептала Роза.

– Совершенно верно, – сказала я. – Если эти слухи верны, значит, Генри Бартоломью не имеет никакого права распо-

ряжаться судьбой нашей школы. А если мы сможем это доказать, то спасём Руквуд.

Пенни наморщила свой нос так, что веснушки на нём слились в одно большое тёмно-оранжевое пятно, и спросила:

– И как, по-твоему, мы это сделаем?

– Работая все вместе, как одна команда, – ответила я, сделав глубокий вдох. – По сути, я предлагаю вам создать новых Шепчущих в стенах, такое же тайное общество. Только на этот раз, в отличие от них, мы обязательно добьёмся успеха.

Глава девятая

Айви

Предложение Скарлет почти всех привело в замешательство. Все начали переговариваться друг с другом, и лишь одна Ариадна принялась аплодировать, но перестала, поняв, что никто её не поддерживает.

— Погодите, погодите, — это была Пенни. Она поднялась на ноги и замахала руками, пытаясь навести порядок. — Заткнитесь все на минутку! — она повернулась к Скарлет и продолжила: — А что такого уж хорошего в Руквуде? Если разобратся, то это дыра. Даже Генри так считает. Так что я ни-сколечко не удивлюсь, если он снесёт эту помойку и построит вместо неё новый многоквартирный дом или ещё что-нибудь в этом роде. Поэтому какой смысл изобретать какие-то хитроумные планы, чтобы спасти школу?

Скарлет сердито засопела, подождала немного, чтобы успокоиться, и только после этого начала отвечать:

– Знаешь, Пенни, в тот год, когда мы все только-только сюда поступили, я бы, наверное, согласилась с тобой. Тогда Руквудская школа действительно была жуткой дырой. И мисс Фокс была чудовищем. Но теперь? Теперь в школе всё, наконец, стало меняться к лучшему, а у нас у всех появились здесь подруги. Я, например, просто не представляю, чем буду заниматься в школе, где мы все не будем вместе.

– Здесь действительно стало гораздо лучше, чем было, – поддержала мою сестру Вайолет. В школу она поступила в одно время со Скарлет, а затем мисс Фокс упекла их обеих в сумасшедший дом за то, что они слишком близко подошли к разгадке тайны нашей бывшей директрисы. – И мой официальный опекун... ну... не сахар, скажем так. Мне пришлось долго его уламывать, прежде чем он согласился вновь отпустить меня сюда. Но я же не могла бросить Розу на произвол судьбы, понимаете?

– Да, – кивнула Скарлет. – Очень хорошо тебя понимаю.

– А мне вообще идти отсюда некуда, – тихо прошептала Роза.

– Послушай, Пенни, – сказала Скарлет. – Ведь твои родители разводятся, верно? И что? Хочется тебе вернуться, чтобы видеть, как это происходит?

Пенни нахмурилась, и я приготовилась к тому, что сейчас она начнёт кипятиться, кричать на Скарлет. Но Пенни вдруг

сдулась и села на место.

– Всё верно, не хочется, – вяло сказала она.

– Руквуд – это наш с вами дом, и не важно, нравится он нам или нет, – продолжила Скарлет. – А сейчас мы стоим перед выбором: либо спасти этот дом и сделать его ещё лучше, либо потерять его навсегда вместе с нашими подругами и вернуться к своим родителям или... или оказаться в сумасшедшем доме!

Я отчасти была согласна с тем, что думает о нашей школе Пенни, но и точка зрения Скарлет мне была вполне понятна.

– Наша мачеха убьёт нас, если мы вернёмся, – сказала я. – Поэтому даже если Руквуд – помойка, как говорит Пенни, нам с сестрой здесь лучше, чем дома.

Ариадна вскинула вверх руку.

– Что там у тебя? – повернулась к ней Скарлет.

Ариадна поднялась на ноги и, смущаясь, объявила:

– А мне на самом деле нравится Руквуд.

Никто не знал, что на это сказать, поэтому Ариадна решилась пояснить:

– Ну, я люблю учиться...

– Потому что ты зубрилка, – фыркнула Пенни, но на неё сразу же зашикали все остальные.

– Да, я люблю учиться, – продолжила Ариадна, – но это ещё не всё. Руквуд для меня означает свободу. Я понимаю, мы здесь вроде как заперты в ловушке, но всё равно мне гораздо лучше здесь, чем дома или в моей прежней шко-

ле. Здесь я гораздо больше всего могу сделать. Здесь у меня появились подруги, вместе с которыми я участвую в разных приключениях и... — на глазах у неё показались слёзы, и Ариадна тихо закончила, шмыгая носом: — Короче, я считаю, что эта школа стоит того, чтобы попытаться её спасти.

Повисла довольно долгая пауза, после чего Скарлет вновь взяла инициативу в свои руки.

— Итак, голосуем. Кто со мной? — спросила она.

Первой свою руку вскинула вверх Ариадна. Я подняла свою руку, посмотрела вокруг и увидела, что и остальные голосуют «за».

Последней подняла свою руку Пенни, хотя постаралась сделать так, чтобы это выглядело как-то небрежно, безразлично.

— Что ж, — сказала она при этом. — По крайней мере будет чем занять себя в свободное время...

— Отлично, — хлопнула в ладоши Скарлет. — А теперь нам нужно придумать план...

К концу совещания у нас появилась вырванная из дневника Скарлет страничка, на которой аккуратным почерком Ариадны было написано:

НОВЫЕ ШЕПЧУЩИЕ В СТЕНАХ

Председатель: Скарлет Грей

Секретарь и дешифровальщица:

Ариадна Элизабет Гвендолен Флитворт

Члены общества:

Айви Грей

Роза Фитцвортен Вайолет Адамс

Эбони Макклауд

Надия Сайяни

Пенни Винчестер

Нужно заметить, что на роль секретаря (и дешифровальщицы тоже) Ариадна назначила себя сама, а по поводу председательства Скарлет развернулась целая дискуссия. Своё право возглавлять *Новых Шепчущих* она доказала тем, что именно ей принадлежала идея создать это общество, а почти все остальные всего несколько минут назад ещё не хотели или сомневались, стоит ли им вступать в него. Затем из дневника моей сестры была вырвана ещё одна страничка, на которой было написано:

План

1. Скарлет, Айви и Ариадна – расследуют в библиотеке историю Руквуда.

2. Пенни и Надия – следят за Б. и составляют отчёты о его действиях.

3. Роза и Вайолет – ищут любые следы существования потайных комнат и т. д.

4. Эбони – связывается с отцом и выясняет, что ему под силу сделать. Не поможет ли он деньгами?

Свои записи мы решили не шифровать – слишком уж хло-

потно. К тому же у нас было надёжное место, чтобы хранить свои бумаги – в потайном ящичке музыкальной шкатулки, вместе с заметками нашей мамы.

– Отлично, – сказала Скарлет. Она явно наслаждалась своей ролью большого начальника. – Значит, всю следующую неделю собираем информацию, а затем снова встречаемся вечером в воскресенье.

В этот момент к нам в дверь постучали, и все мы вздрогнули от неожиданности. Открывать пошла Надия, ближе всех сидевшая к двери.

Это оказалась экономка. Она подбоченившись встала в дверном проёме и спросила, с подозрением оглядывая нас:

– А что это вы тут делаете, воробушки?

На что Надия не моргнув глазом ответила:

– О, добрый вечер, мисс экономка! А мы тут будущий балетный спектакль обсуждаем. Просто сгораем от желания поскорее приняться за дело. А впереди ещё столько работы!

Хмурое до этого лицо экономки расцвело в улыбке.

– Ах вы, милые мои! Ну-ну, я очень рада за вас. Только, знаете ли, пора уже и ко сну готовиться. Зубы чистить. Ночные рубашки надевать. Так что давайте расходитесь.

И она прогнала всех наших гостей.

– В воскресенье! – крикнула им вслед Скарлет. – Следующая наша встреча... насчёт балета. Не забудьте!

– А ведь половина из них вообще на балет не ходит, – хихикнула я, когда мы остались одни.

– Но экономка об этом не знает, верно? – ухмыльнулась мне в ответ Скарлет.

В ту ночь я легла в постель, чувствуя себя гораздо увереннее, чем прежде. В окружающем меня мраке и холоде застывала искорка надежды.

Проглотив в два приёма воскресный завтрак, мы втроём – Скарлет, Ариадна и я – скорее помчались в библиотеку, надеясь, что там найдутся какие-нибудь документы, проливающие свет на историю нашей школы.

Мы прибежали так рано, что библиотека только-только открылась, а наша библиотекарьша, мисс Джонс, позёвывала, сидя за своим столом.

– Какие вы ранние пташки, – сказала она, увидев нас. – А моя Джинг ещё не приходила.

Джинг была племянницей мисс Джонс и очень хорошо помогала ей, заменив Анну Сантос, которая доказала свою полную непригодность к библиотечной работе.

– А у нас новое расследование, мисс, – весело воскликнула Ариадна, и от этих слов пугливая мисс Джонс застыла на месте.

– Будете искать что-то, связанное с тем, что происходит со школой? – понизив голос, спросила она. – И... с *Генри Бартоломью*?

И мисс Джонс оглянулась по сторонам с таким видом, будто этот самый Генри в любой момент может выскочить из-за

первого попавшегося книжного стеллажа.

Мы дружно кивнули.

– Будьте осторожны, – умоляющим тоном попросила мисс Джонс. – Это очень опасно...

Так уж получилось, что в недавнем прошлом именно мисс Джонс стала нашим ключевым свидетелем преступления мистера Бартоломею, по вине которого погибла лучшая подруга нашей мамы, Эммелина. Судя по всему, мисс Джонс считала, что Генри ничуть не лучше своего папаши.

– Не волнуйтесь, – постаралась успокоить её Скарлет. – Ничего опасного. Просто ищем материалы к уроку по истории.

– Хорошо, – кивнула библиотекарьша, оставаясь, однако, бледной и настороженной. – Чем я могу вам помочь?

– Что у вас есть по истории Руквуда? – спросила я.

– А, по истории Руквуда, – болезненно поморщилась мисс Джонс. – Боюсь, мало что у нас осталось по истории Руквуда, многие бумаги погибли при пожаре. Так, всего лишь горстка документов сохранилась. Пойдёмте, я покажу их вам.

Она поманила нас, и мы пошли следом за ней в дальний конец библиотеки, к одной из секций, где красовались новенькие деревянные полки, купленные вместо сгоревших при пожаре.

На одной из них висела табличка с надписью «Местная история», а на самой полке стояло несколько деревянных ящиков. Все они были закрыты.

– Так-так-так... Это должно быть где-то здесь... – мисс Джонс повела пальцем вдоль столбика цифр, нанесённых на краю полки. – Ага.

Она подняла один из ящиков, и мы услышали тяжёлое *бум!* Это зашаталась освободившаяся от веса ящика полка. Задрожали остальные, стоявшие на ней ящики, а затем остановились, выехав за край полки и опасно подвиснув в воздухе.

– М-да, – протянула Ариадна.

Мисс Джонс немного помолчала, затем невнятно пробормотала себе под нос что-то вроде *«Дешёвка, она и есть дешёвка»* и *«Вся эта мусорная куча вот-вот рассыплется»*, а затем сказала уже громко и чётко, обращаясь к нам:

– Не обращайтесь внимания! Насчёт полки и ящиков я сама всё улажу. А вы поройтесь вот в этом. К сожалению, это всё, что у нас есть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.